

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

КРОВНЫЕ СЕСТРЫ

ДЖЕЙН КОРРИ

Джейн Корри
Кровные сестры
Серия «Психологический
триллер (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38846749
Кровные сестры : [роман] / Джейн Корри: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-110513-6

Аннотация

Солнечным утром Элисон, ее сводная сестра Китти и подруга Ванесса отправились в школу. А через час произошла чудовищная автомобильная авария, в которой чудом уцелела Элисон, но погибла Ванесса, а Китти осталась тяжелым инвалидом.

Теперь, пятнадцать лет спустя, Китти по-прежнему не может говорить и страдает провалами в памяти, а преподаватель искусств Элисон ведет тихую жизнь и тщетно пытается забыть случившееся в то утро.

Однако когда Элисон, несмотря на страхи, принимает предложение вести курсы для заключенных в местной тюрьме, начинает происходить нечто странное и пугающее...

За ней и за ее сестрой следят и угрожают при помощи анонимных записок.

Кто-то затаившийся в тени ждет и готовится нанести удар. Кто-то, кто хорошо знает, что произошло много лет назад на самом деле...

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	41
Глава 6	59
Глава 7	66
Глава 8	76
Глава 9	83
Глава 10	92
Глава 11	100
Глава 12	102
Глава 13	109
Глава 14	116
Глава 15	119
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Корри Джейн

Кровные сестры

Моему доброму и остроумному мужу (с тобой ни один день не похож на другой), моим замечательным детям – и Милли, изменившей нашу жизнь.

Начищенные до блеска школьные туфли.

Подпрыгивают школьные сумки.

Подлетают светлые косички.

Две пары ног, одни немного больше.

– Поторопись, мы опаздываем!

Почти дошли. Почти в безопасности.

Край тротуара.

Еще одна пара ног.

Нет!

Вопль.

Тишина.

Кровь, медленно стекающая на асфальт.

Лужа все шире и шире...

Часть первая

Из последних новостей: в пригороде Лондона в тюрьме открытого типа произошло убийство. Подробностей нет, но мы будем держать вас в курсе событий. А пока на «Радио-2» новая песня группы Great Cynics...

Глава 1

Элисон

Сентябрь 2016 г.

Осторожно. Дело не в размере, а в остроте и угле заточки. Лезвие должно петь, а не скрежетать.

Подношу осколок синего стекла к окну. Такого цвета бывают склянки и пузырьки на полках старинных аптек. Отличный чистый срез – никаких коварных осколков, которые придется вытаскивать, а это всегда хлопотно. Ничего не стоит получить стеклянные занозы в кожу или рукав.

Или в мысли.

Теперь последнее, решающее испытание: встанет ли стеклышко в свинцовый контур? Сердце в этот момент всегда учащенно бьется, будто на кону вопрос жизни и смерти. Глупость, конечно, но так уж я устроена. Сейчас, почти у цели, не захочешь что-то испортить, впустую потратив не только цветное стекло, но и время.

Каждая секунда жизни драгоценна. Я знаю это слишком хорошо.

– Не поможете, миссис Бейкер?

– Вообще-то мисс, – поправила я, отрываясь от созерцания образца. – Зовите меня Элисон, как все.

Большинство моих учеников старше этого новичка и ниже

ростом. Плотный, но не пухлый. Ростом, пожалуй, около ста девяноста сантиметров – почти на восемь выше меня¹.

В детстве меня нещадно дразнили за то, что я самая высокая в классе. Я изо всех сил старалась съежиться, но это не спасало положения. «Стой прямо», – умоляла мать. Она хотела как лучше, а я мечтала смешаться с толпой и не выделяться ни слегка великоватым носом («классическим», как деликатно называла его мама), ни очками с толстой оправой грязного цвета, ни скобками на зубах. Зато моя идеально гармоничная сестра обладала врожденной уверенностью в себе и всегда держалась с достоинством.

Сейчас я уже знаю, что в высоком росте немало преимуществ: можно носить одежду, на которую не решатся другие, или набрать пару килограммов, и никто не заметит. Однако всякий раз, проходя мимо зеркала, я расправляю свои проблемные плечи, «крылья понурого ангела», по выражению моей сестрицы.

Сколько иронии...

Ученик, попросивший помочь, не молод и не стар – в этом мы тоже похожи. Чем дальше, тем меньше мне хочется вписывать в бумаги свой возраст – от этого во мне растет страх. Я рассчитывала, что к этим летам у меня в активе уже будет много всего, однако этого отчего-то не случилось.

Возраст не важен только здесь; куда существеннее, что-

---

¹ Англо-американская система мер переведена в книге в метрическую. (*Примеч. ред.*)

бы рука не дрогнула. Изготовление витражей – занятие в общем-то безвредное, но всякое бывает.

Как это верно...

– Элисон, я плохо запомнил, что вы говорили о свинцовой протяжке.

Голос новичка, глубокий и звучный, вывел меня из задумчивости. Культурная речь, свидетельствующая о хорошем образовании. Пытливый ум – немногие мужчины записываются на еженедельные занятия, которые я веду в местном колледже. Когда на прошлой неделе он впервые пришел на занятие, я немедленно ощутила неловкость, которая не прошла до сих пор.

Не только из-за его пристального взгляда и умных вопросов. И не из-за уверенности, с которой он режет свое стекло, хотя я веду курс для новичков. И не из-за его имени – Клайв Блэк, солидность и симметрия которого указывает на продуманный выбор его родителей. Даже не из-за того, как он произносит «Элисон», будто он считает это имя не заурядным, а интригующим. А из-за всего вкупе плюс кое-что еще, чего я еще не уяснила сама. Жизнь научила меня доверять интуиции, и сейчас инстинкт подсказывает быть начеку.

В защитных перчатках (обязательных к ношению вместе с фартуком для всех студентов) я беру тонкий, слегка изогнутый кусочек свинца длиной около тридцати сантиметров. Он всякий раз напоминает мне серебристую лакрицу, которую мы с сестрой покупали в кофейне на углу по дороге из

школы.

Прогони эти мысли. Переключись.

Быстро подаю Клайву щипцы.

– Возьмитесь с одной стороны – плоскогубцы держите плоской стороной вверх – и тяните. А я потяну с другой. Сильнее подавайтесь вперед... Правильно.

– Поразительно, как тянется свинец! – восхитился Клайв. Такие восторженные нотки я иногда слышу от детей.

– Не правда ли? – выдохнул кто-то еще, и все остальные ученики собрались вокруг. Очень люблю этот момент – интерес заразителен.

Беру заостренный нож. Забавно – я с детства неуклюжая, однако вот единственное занятие, в котором рука у меня верна.

– Покачайте лезвием из стороны в сторону и нажмите, – сказала я. – Кто хочет попробовать?

Я нарочно обратилась к даме с лошадиным лицом, которая посетила уже несколько уроков. Однажды она даже предложила оставить положительный отзыв на моей странице на «Фейсбуке» и осталась до крайности разочарована, когда я призналась, что меня на «Фейсбуке» нет.

– Разве вы не рекламируете свои работы? – недоверчиво спросила она.

Я небрежно пожала плечами, скрывая настоящую причину:

– Я обхожусь без этого.

Урок заканчивается («Пока!» – машет Берил, которая «обожает сюда ходить»), однако новичок с культурной речью будто караулит, когда все разойдутся. Про себя я называю его Свинцовым Человеком, подавляя улыбку, потому что прозвище получилось метким по двум причинам. Высокий, худой, чисто выбритый. Мужественный подбородок. Гибок и непредсказуем – совсем как материал, с которым мы работаем.

По моему опыту, всегда бывает «А можно еще последний вопрос?» от ученика, которому не хочется уходить. Но новичок меня нервирует.

– Я тут думал... – начинает он и ненадолго замолкает, взглянув на мой оголенный безымянный палец (я заметила, что у него тоже нет кольца). – Может, вы проголодались?

Он непринужденно засмеялся, будто сознавая, что слишком торопит события – у нас всего-то непродолжительное знакомство учителя с учеником.

– Я о вас ничего не знаю, – добавил он, – просто я не успеваю перекусить после работы и сразу иду сюда.

Его рука нырнула в карман – у меня на шее выступил пот, и я сразу поглядела на дверь, но собеседник вынул часы. Мне показалось, на циферблате диснеевский мультяшный персонаж, отчего я испытала облегчение, смешанное с любопытством, но недостаточное, чтобы принять приглашение.

– Спасибо, – легким тоном ответила я. – Но меня ждут дома.

Его будто одернули:

– О'кей, понял.

Интересно. Вообще-то я и сама себя не понимаю. Отвернувшись, я принялась прибирать лишние обрезки стекла.

Теоретически моя мать одобрила бы этого новичка: приятные манеры, и возраст подходящий, и человек со средствами, судя по хорошо сидящему пиджаку. Густые каштановые волосы зачесаны назад и открывают широкий лоб.

– Может, ты слишком разборчива, – твердит она (мама хочет как лучше). – Иногда, дорогая, не грех и рискнуть. Мистер Тот Самый с виду бывает самым разным.

Это она с такими чувствами выходила замуж за папу? Меня кольнула ставшая уже привычной боль утраты. Если бы отец был жив...

Свинцовый Человек ушел. Я тороплюсь вернуться в мою квартирку в «Слоне и замке»², поставить Эллу Фицджеральд, вытряхнуть из банки на тарелку консервированный салат с тунцом (моя сестра терпеть не могла рыбу), постоять под горячим душем, чтобы смыть с себя прошедший день, и улечься на диван с хорошей книгой, прогнав мысль о том, что за квартиру нужно платить на следующей неделе, да и другие счета ждать не будут.

Стянув резиновые перчатки, тщательно мою руки над маленькой угловой раковиной. Натянув пушистый синий мохе-

---

² Район в Центральном Лондоне, где расположен большой автодорожный узел. (Примеч. ред.)

ровый кардиган из секонд-хенда, спускаюсь и останавливаюсь у приемной стойки с ключом от класса в руке.

– Как дела? – спрашивает женщина за стойкой.

Делаю веселую мину:

– Отлично, спасибо, а у вас?

Она пожимает плечами.

– Опять переделывать доску объявлений – вон, кто-то новое принес. И кто только заинтересуется... Вот вы как считаете?

На распечатанном на листке А4 объявлении изображение палитры соседствовало с камерой с зарешеченным окошком, а ниже шел текст:

Разыскивается
преподаватель рисования для Арчвильской мужской
тюрьмы открытого типа.

В часе езды от Лондона.

Три дня в неделю.

Дорожные расходы компенсируем.

Оплата по общим расценкам.

Заявления присылайте на archville@hmpps.gsi.gov.uk

Я почувствовала, что покрываюсь гусиной кожей.

Вопль. Тишина. Кровь.

– Меня туда и золотом не заманишь, – фыркнула секретарша. Ее слова привели меня в чувство, и я нашарила ручку.

– Элисон, да вы шутите!

Я старательно записывала электронный адрес.

– Пока не знаю.

– Вот тебе и на!

Разрываемая противоречивыми чувствами, я вышла на улицу. Стабильный доход, оплаченный проезд, можно не волноваться о месячном балансе банковского счета! С другой стороны, я никогда еще не бывала в тюрьмах, и одна мысль о них повергает меня в ужас. Во рту враз пересохло, и сердце заколотилось... Проклятое объявление, и зачем оно мне попало? Будто сама судьба что-то мне подсказывает, но хочу ли я прислушиваться?

Я прошла мимо парка, где подростки курили на качелях. Одна девочка смеялась, закинув голову. Счастливый, беззаботный смех – совсем как у моей сестры. Для нее жизнь была праздником, а для меня... Я росла серьезной, старательной. Даже до несчастного случая, помню, я всегда ощущала тяжесть в груди. Я стремилась, чтобы все было правильно, хотела многого добиться в жизни. Слово «добросовестная» фигурировало во всех моих школьных характеристиках.

Однако некоторые события остаются вне нашего контроля...

– Это не твоя вина, – до сих пор повторяет мать, однако, прокручивая случившееся в голове, я не могу не думать о том, что могла бы изменить. Но теперь слишком поздно.

Быстро прохожу через вечерний рынок. На ветру трепещут шелковые шарфы – бирюзовые, розовые, бледно-желтые. Рядом на прилавке – переспелые помидоры по 50 пен-

сов за пакет.

– Дешевле не найдешь, красотка, – уверяет продавец в черных перчатках без пальцев. Не отвечая, сворачиваю налево, затем направо. Ускоряю шаг. Мне нужно домой как можно быстрее. Улица одинаковых викторианских домиков, переполненных мусорных баков и валяющихся на тротуаре пивных бутылок. Кое-где висят занавески, в других домах окна заколочены. У меня жалюзи – легко закрывать. В числе прочего этим-то дом меня и привлек.

У трех звонков три таблички: хозяина, второй квартирантки – и пустая. Моя. Ищу свой ключ. Прохожу в холл, где слева почтовые ящики. Для меня ничего. Вторым ключом открываю свою однушку на первом этаже. Я хотела на втором (так мне кажется безопаснее), но ничего не подвернулось, когда я отчаянно искала варианты. А теперь я привыкла, правда, перед уходом всегда проверяю, закрыты ли окна.

Захлопнув дверь, сбрасываю туфли и кидаю сумку на бежевый диван из «Икеа», купленный в секунд-хенде.

Томление стало почти нестерпимым – оно росло во мне весь день и дошло до предела. Скорее, скорее! Пальцы ищут маленький синий осколок в кармане кофты, как алкоголик бутылку. Подумать только, такая мелочь – и способна наносить настоящие раны!

Сегодня очередь правого запястья. На безопасном расстоянии от артерии и глубже, чем вчера. Ахаю, когда под зазубренным краем расходится кожа, и ощущаю дрожь восторга.

За ним приходит боль. Мне нужно и то и другое.

Но это не помогает. Боли, как всегда, недостаточно.

Потому что настоящие, незаживающие раны у нас внутри. Растравляемые, они не дают нам покоя, ноют и кровоточат. Когда боль и тревога нарастают, внутренние раны становятся куда опаснее, чем видимые, и в конце концов с ними необходимо что-то делать.

И вот время пришло.

Глава 2

Китти

Сентябрь 2016 г.

– Лицевая, изнаночная, – нараспев приговаривала Ти-Ти. – Лицевая, изнаночная!

Китти хотелось ее придушить. Лицевая? Изнаночная? Кого она обманывает? Петли, в том числе вывязанные самой Ти-Ти, спускаются по всей вязке. Нитки путаются в шерстяные узелки, ряды соскальзывают со спиц, а готовые образцы и вовсе лежат в лужах мочи стараниями Доны-из-соседней-комнаты, которая страдает недержанием и «так и не вернула разум» после того, как ее коляску тридцать лет назад сбил грузовик. По иронии судьбы, мамаша Доны тогда только-только успела приучить дочку к горшку.

Китти все это знала, потому что мамаша Доны охотно делилась своей историей с персоналом, каждый визит – раз в год, в два часа пополудни в Сочельник. Минута в минуту. Никто не знал, чем она занимается весь оставшийся год, но уж точно не заботой о дочери.

– Лицевая! Изнаночная!

Распевы Ти-Ти становились громче, словно сила голоса могла компенсировать мокрые от мочи пропущенные петли и откровенно никудышное качество.

«Ты слишком спешишь! – готова была закричать Китти. – Моя здоровая рука не успевает!»

Иногда другой руке казалось, что она тоже что-то может, но у нее ничего не получалось. Это было бы обидно, если бы Китти хотела что-то делать. Но она не хотела. Вот как сейчас. Трудовая терапия – или Ти-Ти, как весело звала ее преподавательница, – оказалась невероятно скучной. И не только вязание, но и завязывание шнурков. Левый поверх правого, а потом правый поверх левого. Или наоборот? Черт, как трудно запомнить!

Китти не сомневалась, что раньше умела завязывать шнурки сама. Но стоило ей напрячь память, как та разлеталась на тысячи осколков, будто цветные пылинки в солнечном луче.

– При таких травмах память серьезно страдает, – говорил врач Пятничной Мамаше. – Возможно, у нее вовсе не осталось давних воспоминаний.

Пятничная Мамаша выглядела печальнее, чем мать на деревянной доске с картинками, которую Китти здесь выдали, чтобы видеть, на что она указывает здоровой рукой, и таким образом с ней общаться. (Ха! Скорее угадывать, что она пытается сказать, причем все время ошибаться!)

Развивающие занятия призваны помогать: Китти притворялась, что заново учит алфавит, хотя прекрасно его знала. Но было даже весело наделять буквы новым смыслом: «П» – память, которую она «потеряла», не иначе, в пьяном угаре.

– Поглядите в гардеробе, – иногда шутила Китти. – Может, память там?

Но никто не смеялся, потому что ее не понимали.

«Н» – несчастный случай, который с ней произошел.

– Какой конкретно несчастный случай? – допытывалась она у персонала.

Но никто ей не отвечал.

– Бедняжка Китти, – говорили все, – она может только лепетать!

Знали бы они, что творится у нее в голове!

«Д» – Джеймс, ее фамилия. По крайней мере, такая табличка висит на двери ее палаты рядом со списком таблеток, которые Китти необходимо давать каждый день. «Л» – лобные доли, о которых Китти узнала из беседы Пятничной Мамаши с врачом. Это отделы мозга, отвечающие за координацию, перепады настроения и много за что еще.

Наверное, к этому «многому» относится и невозможность вытолкнуть слова изо рта. У нее нет дефектов речи, объяснял врач Пятничной Мамаше, будто Китти не было рядом; ее мозг просто не желает транслировать мысли в слова.

– После некоторых травм мозга пациенты начинают ругаться, даже если раньше не позволяли себе непристойностей. Так как Китти молчит, нам сложно понять, что происходит у нее в голове.

– Уберите от меня свои иглы!

Медсестры начали поправлять одеяла в инвалидном крес-

ле, клохтая, как целая стая наседок.

– Некоторые из нас, – хотела закричать Китти, – раньше были ничем не хуже вас!

Не все, конечно. Дункан в круглых очках таким родился – родовая гипоксия. С грехом пополам он выучился говорить, но на всю жизнь остался «психически нестабильным». Больничные записи «пропали». Обычная история, каких много. А вот с ней, Китти, случилось действительно нечто важное.

– Готова к ланчу, Китти? – спросила, наклонившись к ней, девица. У нее была прямая светлая челка, которая покачивалась в такт словам.

– Конечно, готова, корова безмозглая!

– Готова держать пари, что да!

Ха! Понимай эта девица ее речь, не радовалась бы с таким показным энтузиазмом и не хлопала бы в ладоши, будто Китти выдала что-то умное.

– Куда ты указываешь на своей доске с картинками? На корову? Мило. Одно из твоих любимых животных?

– У нее особая привязанность к коровам, – прочирикала одна из медсестер. – Иногда мне кажется, что она пытается нам что-то сказать, но все ограничивается детским лепетом.

Побывали бы вы на ее месте! Тогда бы поняли! Ох, им бы не понравились безобразные высокие ботинки на шнуровке, которые ей надевают! Где-то в глубине памяти застряло воспоминание о красных туфельках на высоких каблуках – таких высоких, что она не удержалась на них и упала...

– Что еще тебе нравится на доске, Китти?

Волосы! Вот что ей понравилось бы. Светлые волосы, а не ее темные кудряшки.

– Ай! Китти, ты делаешь мне больно!

– Дай помогу. У нее сильная хватка... Отпусти челку бедняжки Барбары!

Китти чувствовала, как пальцы ее здоровой руки разгибают один за другим. Такова особенность ее многострадального мозга: то он счастлив, а через минуту печален, то ему плохо, то хорошо. Может, и не надо было хватать медсестру за челку. Она же молоденькая, из приготовительного колледжа. Хочет стать социальным работником, поэтому «волонтерит здесь раз в неделю» – вроде бы Китти слышала такой разговор между ней и Очень Тощей Медсестрой.

Волонтерство, подумать только! Она бы не возражала заниматься чем-то подобным, если когда-нибудь поправится... «Ага, мечтай, – сердито подумала Китти, – смотри сзади не поправься!

Как она любила свои сны! Во сне она могла бегать, кататься на велосипеде, завязывать эти чертовы шнурки, гонять чаек, которые вечно обгаживают здешние окна («На счастье!» – всякий раз заявляла одна из самых несносных медсестер). Иногда во снах Китти даже пела – правда, таких снов ей не снилось уже довольно давно.

– Ты не корова, – залепетала Китти, указывая на картинку и качая головой. Только вот голова ходила вверх-вниз вместо

того, чтобы мотаться из стороны в сторону. В попытке извиниться она улыбнулась девице с челкой своей лучшей, широченной сентиментальной улыбкой. Этому она научилась у Доны (лучше улыбок Дона разве что мочилась где попало). Как бы Дона ни косячила – а Бог свидетель, это случалось постоянно, – на ее лице всегда цвела глупая улыбка.

– Я просто уверена, она пытается мне что-то сказать!

– Я тоже так думала, когда начинала работать, – вздохнула другая медсестра. – Это естественно. Но всех вылечить невозможно, особенно здешних обитателей. Жаль, конечно, но так уж жизнь устроена. Поехали, что ли? Сегодня рыбные котлеты!

Ура! Снова кушать! Как говорит ее соседка по палате Маргарет, не многие удовольствия в жизни случаются три раза в день.

– Тогда поспешим, – и Прямая Челка торопливо повезла инвалидное кресло в сторону столовой.

– Осторожнее, – сказала ей Китти, – и поднажми, иначе нам достанутся маленькие куски. Опоздавшим всегда урезают порции.

– Я не понимаю, что ты пытаешься сказать, но, по-моему, ты знаешь, о чем говоришь, Китти. И это нечто интересное, я права?

– Мы почти в столовой, несмотря на неуклюжесть Прямой Челки, едва не столкнувшейся с Доной!

– Доброе утро, Китти!

Это еще что? Заведующая в дверях? Китти про себя называла ее Помыкашкой – сделай то, сделай это.

– Отвали!

Есть что-то смешное в том, чтобы говорить то, чего никто не понимает.

– Ты сегодня прекрасно выглядишь.

В этом-то старье? Китти поглядела на свои синие джинсы с эластичным поясом и мешковатую красную фуфайку, в которые ее облачила медсестра. Приходится делить гардероб с Доной, которая тоже носила восемнадцатый размер³. И здесь экономят! Как она ненавидит вещи Доны – от них всегда пахнет мочой, сколько ни стирай...

– Знаешь, Китти, а ведь у меня для тебя сюрприз.

«Не хочу я дурацких сюрпризов, дайте мне мою рыбную котлетку!»

– К тебе гость.

Быть такого не может! Пятничная Мамаша приходит по пятницам, а сегодня вторник, на букву «в». Они играли в слова сегодня утром перед дурацким «лицевая-изнаночная».

– Разве тебе не хочется посмотреть кто! – Помыкашка не прибавила вопросительного знака к своему предложению. Это был приказ.

– А нельзя ли ей пообедать перед встречей с гостем? – вмешалась Прямая Челка. – Она кусает костяшки пальцев. По-моему, она голодна.

---

³ Соответствует 52 российскому (Примеч. ред.)

Китти готова была ее расцеловать.

– Спасибо, спасибо! Прости, что потянула тебя за волосы!

– Ничего, мы ей разогреем. Вези ее сюда. И не виляй креслом, будь добра!

Влево-вправо, влево-вправо, чертя зигзаги по истертым половицам, в кабинет Помыкашки с видом на лужайку, недоступную для колясочников (однажды Китти попыталась туда добраться – с помощью здоровой руки она могла передвигаться на инвалидном кресле, но колеса забуксовали в траве, и все над ней смеялись. От этого Китти чувствовала себя ужасно глупо).

Первым, что она увидела, были коричневые туфли с маленькими дырочками, составлявшими узор. Когда все время сидишь, первым делом замечаешь то, что внизу. Понемногу поднимая глаза, Китти рассмотрела серые брюки. Розовую с белым рубашку. Темно-синий пиджак с серебряными пуговицами. Круглое лицо, дряблая кожа. Растянутый в улыбке рот и глаза, которые не улыбались.

– Привет, Китти. Прости, что меня так долго не было. Ты же меня помнишь?

Здоровая рука Китти начала колотиться по креслу. Голова свесилась на грудь, гулко стукнувшись подбородком. Она ощутила пену на губах.

– Так, не плевать здесь! – захлебнулась слюной Помыкашка.

«Увезите меня отсюда!!!»

Вдруг кресло резко развернулось, и они припустили из кабинета по коридору – Прямая Челка пришла ей на помощь!

В эти мгновения Китти бежала. Или ехала на велосипеде? Нет, скакала на лошади. Эти образы мелькнули в памяти один за другим, будто она примеряла их как одежду.

Но вскоре они остановились.

Глава 3

Элисон

Сентябрь 2016 г.

– Так почему же вам захотелось работать в тюрьме? – допытывался человек в металлических очках, напоминающий грызуна, со скептической миной и черными бровями, которые поднимались и опускались, пока он говорил. Для начальника тюрьмы он показался мне слишком субтильным, но, с другой стороны, я еще никогда не видела начальников тюрем.

Почему мне захотелось работать в тюрьме? Ответ прост: да мне пока не захотелось. От этих стен у меня мурашки по коже. Я еле подавляю страх с той минуты, как оставила машину у ворот и назвала свое имя и цель визита («Элисон Бейкер, на собеседование с начальником тюрьмы»).

Но, разумеется, я не могла так ответить.

– Мне кажется, я могу привнести что-то новое и полезное, – услышала я свой голос. По-моему, это прозвучало жалко и патетически.

Правая бровь начальника приподнялась. Это настолько отвлекло меня, что я едва не пропустила следующую реплику:

– Как и большинство художников. Но отчего, мисс Бей-

кер, нам следует предпочесть вас другим кандидатам?

В самом деле, отчего? Без рисования я быстро сыграла бы в ящик после несчастного случая. До того солнечного июльского утра я отличалась, по выражению моих педагогов, склонностью к наукам. Мне давалось все – и математика, и английский, хотя так бывает нечасто. Элисон, умная сестра. Тут вам и беглый французский, и явный талант к техническим дисциплинам.

Рисованием и прочим увлекалась моя сестра – это занятие для тех, кто «не проявляет особых способностей». Хорошие ученики вроде меня относились к рисованию как к пустой трате времени. По крайней мере, именно так в моей школе восприняли новость о том, что я поступила в художественную школу вместо университета.

Мне вспомнились первые недели после несчастного случая, когда мы с матерью разбирали вещи сестры. Повинуясь какому-то порыву, я открыла ее коробку с красками и достала тюбик «кобальта зеленого». Ее любимый бирюзовый оттенок. Моя рука сама взяла ее кисточку, которая запорхала по листу, точно ее направляла сестра.

– А я и не знала, что ты тоже рисуешь, – прошептала мама. Я тоже не знала.

Но это было моим очень личным секретом, которым не делюсь с едва знакомым человеком, тем более с начальником тюрьмы.

– У меня есть опыт работы с необычными художественными

ми материалами, – нашлась я. – Например, с цветным стеклом.

– Мы избегаем опасных предметов, – сказал другой человек, присутствовавший в кабинете. Он представился тюремным психологом. Надеюсь, он не читает мои мысли. – Вынужден напомнить, что многие из наших заключенных имеют серьезные нарушения психики. Есть и откровенные психопаты, хотя мы контролируем их поведение с помощью лекарств. Никто из наших подопечных не считается опасным для общества, поэтому им разрешено пребывание в тюрьме открытого типа, но все равно нельзя забывать об осторожности. Занятия со стеклами исключаются.

– Еще я акварелист, – продолжала я. Ладони начали потеть. Стены угрожающе давили. Интересно, он тоже так себя ощущал, когда его посадили? Очень надеюсь.

– А портреты вы рисуете?

– Да, – ответила я, не прибавив, правда, что портретного жанра не жалую. Чтобы портрет получился, нужно заглянуть в чужую душу, а мне только этого не хватало.

– С терапевтической точки зрения портрет помогает человеку взглянуть на себя другими глазами, – уже мягче сказал психолог. – Это одна из причин, почему мы ищем преподавателя рисования.

А я-то гадала – зачем совершившим преступления людям рисование? Ведь отбывать наказание означает заниматься чем-то наиболее неприятным!

Должно быть, начальник тюрьмы угадал сомнение в моем лице.

– Обретение уверенности в себе снижает риск рецидива преступлений, – сказал он жестко и с вызовом, будто он отстаивал свою идею.

– Это я понимаю. – Голос не выдал, что я лгу. У меня было достаточно практики... В этот момент в окошко неожиданно ворвался солнечный луч, рассеявшись через стекло пыльной радугой. На несколько секунд я ослепла, но солнце тут же скрылось в облаках, и в комнате снова стало сумрачно.

– У вас есть вопросы, мисс Бейкер?

Я нервно кашлянула.

– Я буду проводить занятия на территории тюрьмы?

– В учебном корпусе. Остальные здания для администрации, а в некоторых живут заключенные.

– Но их же запирают?

– Только по ночам, – снова вмешался психолог. – Днем заключенные могут свободно перемещаться по территории. Вот для выхода за ворота им требуется разрешение... Как указано в объявлении, у нас здесь тюрьма открытого типа, их часто называют камерами без решеток. Многие заключенные выезжают утром на работу в нашем микроавтобусе и возвращаются к шести вечера. Это адаптирует их к жизни в реальном мире, куда они попадут после освобождения.

Мне это показалось безумием.

– И какую же работу они выполняют?

Начальник, видимо, давно привык к этому вопросу.

– А какую найдем. Как вы сами понимаете, не каждый хозяин согласится нанять человека, отбывающего срок. Благотворительные магазины проявляют гибкость, рестораны фастфуда тоже... Местные колледжи иногда принимают на учебу заключенных со свободным дневным передвижением при условии, что они соответствуют общепринятым требованиям...

– Но почему вы уверены, что они вернутся? Разве они не пытаются бежать?

– В этом-то и дело! Все основано на доверии. Если кто-то из заключенных попытается скрыться, после задержания его переведут в тюрьму с более строгим режимом.

Надо же, обратила я внимание, как он уверен в задержании...

Тут я подумала о поисках, наспех проведенных в интернете.

– Но раз они живут почти свободно, значит, они уже не опасны?

В голосе начальника появились оборонительные нотки:

– Категория «Д» означает низкий уровень риска – иначе говоря, наши заключенные уже не считаются угрозой для общества, хотя в прошлом многие из них совершили тяжкие преступления. Здесь их последняя остановка перед освобождением – если, конечно, до этого они не совершат очередного правонарушения.

Так и есть! Не нравится мне здесь, я хочу уйти! Да и я не нравлюсь, это сразу чувствуется. Ни психологу с вкрадчивым голосом, ни начальнику тюрьмы, коротенькая речь которого явно имела целью меня отпугнуть.

Им нужен тот, кого не напугать тюрьмой, кто выглядит внушительно и сурово, а не тощая узкоплечая блондинка с папкой под мышкой, то и дело от волнения роняющая свое несчастное портфолио.

Мне невольно подумалось, что сестра с ее уверенностью («Здесь я главная») куда лучше подошла бы на эту должность. Что бы она сейчас сказала? Беги отсюда. Я словно слышу голос: «Беги, пока не поздно!»

Мои собеседники поднялись со стульев.

– Хотите осмотреться, мисс Бейкер?

Нет. Я хочу домой, в свою квартиру, готовиться к вечернему занятию в колледже, куда приходят люди, не нарушавшие закон. Однако вопрос явно был риторическим: дверь для меня уже открыли и провели по коридору мимо человека в люминесцентно-оранжевом комбинезоне.

– Доброе утро, начальник.

– Доброе, мистер Эванс.

Мистер?! Судя по одежде, это заключенный! Психолог заметил мое удивление.

– Мы делаем ставку на корректность. Сотрудники тюрьмы обращаются к заключенным официально, но всяких выходов мы не терпим – любого, кто нарушает правила, за борт!

– Как это? – робко спросила я, представив маленький корабль, качающийся на волнах.

– Переводим в другую тюрьму, обычно ночью. Так проходит все спокойнее, чем днем.

Мы уже вышли из здания, и я прищурилась от осеннего солнца. Проходя мимо домиков, я заметила возле одного кадку с цветами. За окном, на карнизе для штор, на вешалках висели рубашки. Вокруг было почти по-домашнему уютно: на подоконниках рассыпан птичий корм, расхаживает чей-то котенок.

– Бродячий, – пояснил начальник, видя мое удивление. – Началось с одного, потом другие приبلудились. Заключенные их подкармливают. – Он покосился на меня: – Вы удивитесь, насколько мягкосердечными бывают даже закоренелые преступники, когда дело касается животных. Или матерей.

Мы остановились у корпуса на вид новее остальных, хотя металлическая лестница шаталась.

– Вот наш учебный корпус. У преподавателя, которого мы примем на работу, здесь будет студия.

Он отпер дверь. Первое, что бросилось в глаза в скудно меблированном холле, – множество дверей с табличками: «Дополнительные занятия», «Чтение», «Математика». Мужчина в зеленом спортивном костюме сидел, согнувшись над книгой, почти обнимая ее, словно не желая замечать никого вокруг.

– Доброе утро, мистер Джонс!

– Доброе утро, начальник.

– Не расскажете ли нашей гостье, что вы читаете? – Голос начальника звучал строго.

Джонс нехотя протянул свою книгу. Текст был замазан белой краской, а поверх – рисунки карандашом: человек сидит на земле, женщина развешивает выстиранное белье, ребенок играет на качелях...

– Это вы рисовали? – с любопытством спросила я.

Он кивнул.

– На обложке книги стоит библиотечный штамп, – лицо начальника приобрело свирепый вид. – Вы испортили книгу!

– Библиотекарь отдал ее мне...

– Вы уверены?

Небритый подбородок человека задрожал.

– Да.

Мне показалось, что он лжет. Уверена, начальник это тоже видел. Но наброски были очень хороши.

– Вы давно рисуете? – спросила я.

– Нет, мисс, только когда сюда попал, начал. Сокамерник действует мне на нервы – очень уж он болтлив, вот я и начал рисовать, чтобы его не слышать.

Как я его понимаю! Это жгучее желание скрыться, хоть ненадолго спрятаться от внешнего мира, создать другой, где есть покой... И вдруг мне захотелось на эту работу. Очень захотелось. Потому что она не только здорово поможет мне, но и даст возможность помочь другим.

– Спасибо за уделенное нам время, мисс Бейкер, – начальник пожал мне руку. – Мы с вами свяжемся.

К следующему вторнику я уже не сомневалась – не повезло. Они обещали позвонить в понедельник, когда примут окончательное решение. Тюрьма – безумная идея, утешала я себя, но на занятии у меня под резцом треснул кусок синего стекла, потому что я думала о Джонсе, рисовавшем свою семью (наверняка там изображены его дети), и очень надеялась, что у него не возникнет неприятностей за испорченную библиотечную книгу. Художнику же нужны материалы для творчества – это базовая потребность, вроде воздуха, чтобы дышать.

Вечером в четверг, уходя в колледж вести занятие по акварели, на шатком столике в маленькой общей прихожей я заметила два коричневых конверта. Оба письма были адресованы мне. Одно содержало выписку с состоянием моего банковского счета, а на втором красовался штамп с буквами «ТЕВ»⁴. В первом наверняка уведомление, что я превысила лимит по карте, поэтому я начала со второго.

– Ты получила работу в тюрьме? – ахнула мама, когда я, как обычно, позвонила ей вечером. Не позвонишь – она нервничает («А вдруг с тобой что-нибудь случилось?»). Потеря ребенка заставляет бояться за оставшихся вдвое сильнее. Хотелось бы мне ее приободрить... Ее голос меня успо-

---

⁴ От Тюрьма Ее Величества (англ. Her Majesty Prison). (Примеч. ред.)

каивает – я люблю свою маму до боли, но иногда мне просто нечего ей сказать. Зато сегодня у меня для нее есть новость.

– Да как тебе вообще в голову взбрело? – продолжала она.

– Мне нужны деньги, мама.

– Я тебе займу!

Мне захотелось ее обнять.

– Спасибо, но тебе это не по средствам.

С этим мама спорить не могла.

– Но это же опасно!

– Нет, это тюрьма открытого типа, вроде той, где сидел Джеффри Арчер. Волноваться не о чем.

– Все равно... – мать качает головой. И вот я вижу, как она сидит в своем плетеном кресле и смотрит в сад, который тянется до самого моря. Позже мама пройдет по пляжу, шурша галькой, и всякий раз будет подбирать попадающиеся целые раковины. На обратном пути она оставит свои находки на кладбище, у надгробия, которое уже не выглядит новым. Все как всегда. Привычная рутина, помогающая жить дальше.

А я вот-вот разобью свою на мелкие осколки.

Глава 4

Китти

Сентябрь 2016 г.

Китти осталась потрясена и раздавлена вчерашними событиями – в смысле, ей казалось, что все произошло вчера. Ее память очень ненадежна, когда речь заходит о времени.

Хотя какая разница, когда, – главное, что это было. Визит Дряблой Физиономии. Китти точно знала – он натворил что-то плохое, ей нужно бежать. Но едва она решила, что спаслась, как инвалидное кресло потеряло управление.

– Держись! – крикнула Прямая Челка, но они с размаху налетели на стену. У Китти все так и поплыло перед глазами.

Пока ее осматривал врач на предмет «возможных травм», в коридоре разорялась Помыкашка:

– Барбара, как это понимать, черт побери?

– Я ей помогала! – запротестовала Прямая Челка. – Тот человек в кабинете ее явно перепугал!

– Откуда тебе знать, она же не может говорить!

Она! Вечно «она», «ее», «ей»! Взяла она сахар? Нужно ей подтереть задницу? Ну как можно не понимать таких элементарных вещей – Китти не единственная в этом заведении, кто понимает больше, чем мозг позволяет выразить словами!

– Но это же было очевидно! Если хотите мое мнение, Китти понимает больше, чем нам кажется. Иначе почему бы ей так расстраиваться?

Послышался вздох Помыкашки.

– Видишь ли, ты просто не имеешь права вот так бегать вместе с Китти. Мы здесь поддерживаем спокойную обстановку, основанную на заведенном порядке и твердом расписании. От этого у пользователей наших услуг рождается ощущение безопасности. Безопасность прежде всего. Если ты действительно хочешь работать в этой индустрии, ты должна это помнить.

– Простите.

– Боюсь, мне придется переговорить с руководителем твоего подготовительного колледжа.

Послышался стон.

– Пожалуйста, дайте мне еще шанс! Мне нужна эта работа, чтобы меня приняли в университет!

Доктор выкатил Китти в коридор – как раз вовремя.

– Не отсылайте ее, она мне нравится! Пусть она остается! Она знает, о чем я думаю, и волосы у нее красивые!

Мысленно Китти слышала свою громкую и четкую речь, но изо рта вырывалось неразборчивое лопотанье, похожее на агуканье младенца.

– Так, на два тона тише, – резко сказала Помыкашка, обвиняюще поглядев на Барбару с видом «видишь, что ты наделала?». – Обычно она просто шелковая, но временами та-

кие впадают в буйство, особенно когда расстроятся. Это особенность ее заболевания.

– Вранье! – завопила Китти. – И это не ее вина, а ваша, что вы ни черта не понимаете!

– С ней все было нормально, пока она не увидела того человека, – не смолчала Барбара Прямая Челка. – А кто он?

Прямо мои мысли озвучила, подумала Китти. А девушка-то за словом в карман не полезет.

– Не твое дело. К тому же он уже ушел.

– Ну, хоть что-то! Ушел! Ушел! – вслух сказала Китти, чтобы поверить в реальность случившегося, и хотя у нее вышло только «г-г-г-г-г-г...», это тоже было утешением.

– Поехали, Китти, нальем тебе хорошего чая. Какую соломинку сегодня хочешь – розовую, твоего любимого цвета?

Китти покачала головой.

– Я хочу, чтобы Барбара осталась, – заявила она. Прямая Челка кого-то ей напоминала, только Китти не могла вспомнить кого.

– Я не вполне понимаю, что ты пытаешься сказать, дорогая.

– Не зови меня «дорогая» с такой отвратительной снисходительностью!

Здоровой рукой Китти начала бить по креслу, чтобы подчеркнуть свою позицию:

– Мне нужно, чтобы меня защитили от человека с круглым дряблым лицом и ртом, растянутым в притворной улыб-

ке!

– Вот разошлась. – Помыкашка принялась рыться на медицинской тележке. – Пожалуй, пора вколоть ей седатив...

– Ни за что!

– Подержи ее, я сделаю укол...

Китти начала раскачиваться из стороны в сторону с большой амплитудой. Она просто вырывалась из кресла.

– Она так себе навредит!

Бац, бац по креслу!

– Китти, – спокойный голос исходил от Барбары, опустившейся рядом на колени. – Вот послушай!

Она вынула из кармана что-то маленькое и серебристое и поднесла к губам. Раздался невероятный звук – как птичья трель. Вверх-вниз. Круг, еще круг!

– Это губная гармоника, Китти. Тебе нравится?

– Перестала метаться, – шепотом поразились Веселая Медсестра. – Хорошая работа!

– Ого, – сказала Барбара, – да она поет! Прислушайтесь!

Это было правдой. Китти никогда не слышала от себя пения, но, проснувшись на следующее утро, попробовала снова. Да! Получилось! Теперь она пела постоянно. Звуки вылетали из ее рта, будто кто-то другой пел за нее. И всякий раз, когда она пела, тело казалось более податливым. Счастливым.

Пение почти – но не совсем – прогнало мысль о человеке в синем пиджаке и с фальшивой улыбкой. Кто он? И как

можно ненавидеть того, кого не знаешь?

Глава 5

Элисон

Октябрь 2016 г.

Что надеть в первый день в тюрьму? Джинсы? Слишком вольно. Черные брюки. Так спокойнее. И белую футболку?

Я надела футболку. Через тонкий трикотаж угадывались очертания бюстгалтера. Раньше меня это не волновало, но сейчас я нервничала. Как предупредила вчера по телефону мама, мне нужно помнить – я еду в тюрьму, где мужчины уже давно лишены «физических отношений».

– Ты уж поосторожнее, ладно, дочка?

Черный джемпер? Смотрится слишком траурно с брюками. Тогда кремовый? Хороший льняной носовой платок – художнику он может пригодиться в любой момент. И, конечно, мой медальон на крепкой цепочке.

«Это мой медальон», – сказал голос сестры в моей голове.

Я взглянула в зеркало. Из зеркала на меня смотрела нервная я. Я сразу вспомнила себя подростком. Впрочем, от той Эли мало что осталось: я уже не ношу очки – привыкла к линзам, волосы подстрижены по моде графичными прядями вместо «занавески», которую я заправляла за уши. Нос я, разумеется, переделала и научилась пользоваться косметикой благодаря бесплатным урокам в универмаге, где я чувство-

вала себя ужасно беззащитной и туповатой. Однако результат того стоил.

– Невероятно! – воскликнула визажистка, будто и вправду сотворив чудо.

Подводя брови дрожащей рукой, я чертыхнулась, когда карандаш выпал из пальцев, и принялась оттирать пятно с ковра. Затем тронула губы блеском. Ни к чему чересчур выделяться, но мне необходимо быть сильной и уверенной в себе.

Капельку лавандовой воды за ухо. Мама дарит мне пузырек на каждое Рождество. Она пользуется только лавандой, и бабушка, которой я не застала, тоже носила этот запах. Лаванда возвращает меня в Норфолк, в те времена, когда папа еще был жив и лейкемия не забрала его у нас. Мне было всего три года. Отца я почти не помню, но эти считанные воспоминания очень яркие – большая теплая рука, сжимающая мою, или голос, просящий меня поглядеть на бесконечные ряды прелестных фиолетовых цветов на поле перед нами.

Как бы мне хотелось знать о нем больше! Но мама слишком расстраивается, если речь заходит об отце. Поэтому она и фотографий не сохранила. Может, будь у меня дедушка с бабушкой, я бы узнала больше, но они умерли еще до моего рождения. В нашей семье смерть приходит рано... Но у меня хотя бы есть воспоминания. Лаванда, например.

Мне с опозданием пришло в голову, что неразумно душииться перед встречей с давно лишенными секса преступ-

никами. Но я действовала автоматически, как каждое утро, а теперь уже поздно.

Кстати, насчет духов ничего не сказано в инструкции, которую мне прислали из тюрьмы, равно как и о дресс-коде. Зато велено иметь при себе удостоверение личности – паспорт или водительские права (я достала документы из тумбочки у кровати, стараясь не обращать внимания на лежащее там письмо юриста), мобильный телефон оставить дома или в машине, не иметь при себе ничего опасного (в частности, острого), запрещенного законом (наркотиков), алкоголя и всего, что можно использовать в качестве взятки.

Заперев дверь, я привычно дважды подергала ручку. В доме еще одна квартирантка – очень тихая молодая бухгалтерша на втором этаже, и хозяин, который не лезет в чужие дела. Именно о таком жилье я мечтала.

Пересекаю границу Лондона, и машин становится заметно меньше. Проезжаю маленькую деревеньку. На остановке ждут дети в желтой с коричневым школьной форме. Сбрасываю скорость до тридцати километров в час и внимательно слежу за ними. Проехала без происшествий – это еще одна обязанность водителя. Однако я невольно взглянула в зеркало заднего вида проверить, все ли в порядке. Дети указывали пальцами на мою машину – «Жука» 1972 года, которого много лет назад мне подарил мой отчим Дэвид (в основном из чувства вины). Да, «Жук» обращает на себя внимание. В Арчвиле его тоже будут провожать пристальными

взглядами. Что, если кто-то из заключенных запишет номер и потом каким-то образом отыщет меня? Надо было ехать на общественном транспорте, особенно с учетом того, что пора менять покрышки, однако тюрьма находится в нескольких километрах от ближайшей станции и автобусной остановки. Неприятный холодок понемногу распространяется под ложечкой. Начинает накрапывать дождь.

Следуя неприметному указателю «Арчвильская тюрьма Ее Величества», сворачиваю влево.

Сразу за поворотом тюремные корпуса-домики выросли передо мной будто из-под земли. Все казалось совершенно иным, чем когда я приезжала на собеседование. То была разведка, проба воды, «возможно», а не «определенно».

Теперь я здесь насовсем – ну, то есть на три дня в неделю в течение года (с правом продления контракта еще на год при согласии обеих сторон). Горло сжалось. Уже проявилась клаустрофобия, а ведь я еще даже не вошла в учебку!

Мне велели поставить машину на парковке для персонала, а не для посетителей. Во рту пересохло: а что, если здесь окажется нестерпимо плохо? Вдруг я не справлюсь? Меня отпустят, дадут уехать? Сердце стучало в такт усиливающемуся дождю. Я достала из багажника зонтик, коробку с красками, кисти и стопку бумаги.

– Разрешите донести, мисс?

Молодой человек. Довольно длинные волосы и плохие зубы.

– Спасибо. – Не желая показаться недружелюбной, я добавила: – А вы давно здесь работаете?

Он ухмыльнулся:

– Я заключенный.

Только тут я заметила оранжевый комбинезон под черной курткой.

В колледже студенты всегда вызываются донести учебные пособия, но это же преступник! А вдруг он на меня нападет? Мама была права, надо было отказаться. Даже после того, как у меня хватило ума сюда съездить.

– Не надо, я справлюсь.

– Точно?

Я чувствовала, что обидела его, но ничего не могла с собой поделать. Я плохо знаю правила – а вдруг я нарушу инструкцию, разрешив ему нести мои вещи? Нагруженная, как мул, я подошла к табличке «Ресепшен». За столом сидела женщина в черной форме, немного напоминавшей адвокатскую мантию. Она окинула меня подозрительным взглядом.

– Я в первый раз, – сказала я, подавая письмо о приеме на работу. – Мне сказали подойти сюда.

Она нахмурилась:

– Вас нет в списке.

Я ощутила панику и облегчение. Может, мне скажут отправляться домой?

– Но охранник в воротах обо мне знал.

– Это не одно и то же. Кто сказал вам сюда подойти?

– Секретарь начальника тюрьмы.

Охранница выкатила глаза:

– Уволилась, и с плеч долой!

– Я не знаю.

Выразительно вздохнув, женщина буркнула:

– Эти здесь надолго не задерживаются.

Даже в моем тревожном состоянии мне показалось, что говорить такие вещи крайне бестактно.

– Придется звонить, – сказала охранница так, будто это моя вина.

В ожидании я посматривала в окно – сквозь решетку можно было разглядеть очередь заключенных. Один из них поднял голову и подмигнул – тот самый, кто предлагал донести мои краски. Я поспешно отвернулась.

– Вам нужно подойти за ключами, – сообщила охранница, с грохотом положив телефонную трубку на аппарат. – Что у вас там? – спросила она, указывая на мои коробки.

– Краски, – я вспомнила инструкцию. – Ничего опасного.

Охранница рассмеялась:

– Да вы знаете, что здешний контингент может сделать с краской? Брызнет вам в глаза, ослепит и выиграет время для побега!

– Но это же открытая тюрьма, – смутилась я. – Мне казалось, тут такого не бывает.

– Знаете, милая, может, тюрьма и называется открытой, но это не значит, что у нас тут не бывает проблем. Большин-

ство заключенных сидят за решеткой по многу лет и, глотнув свободы, иногда сходят с ума.

Об этом начальник меня не предупреждал.

– Оставьте все в шкафчике, – постановила охранница. – Не беспокойтесь, не пропадет.

– Но краски нужны мне для занятий!

– Ничем не могу помочь, правила есть правила.

Вошла другая сотрудница в форме, с большими мясистыми руками. На запястье татуировка – синяя птица с сердцем и какое-то имя, но я не смогла разобрать – буквы расплылись. Я постаралась скрыть свой интерес.

– Нам нужно вас досмотреть, прежде чем куда-то пропустить.

Меня провели в маленькую боковую комнату.

– Вытяните руки в стороны.

Мясистые руки оказались на удивление проворными и ловкими.

– О'кей. – Охранница взглянула на синий с белым зонтик у меня под мышкой. – Зонт оставьте здесь.

– Почему?

– У него же острый конец, сами не видите? Полежит вместе с вашими красками. Сюда проходите.

Выйдя из домика, я с наслаждением вдохнула чистый воздух. Мы прошли мимо очереди заключенных, тянувшейся, как я разглядела, у открытой двери, немного напоминавшей дверь конюшни.

– Почту раздают, – коротко пояснила офицер.

Один из заключенных брел прочь с опущенной головой. В руках у него ничего не было.

Мне почти стало его жаль.

Мы вошли в другой домик. Недлинная лестница вела к двери с надписью «Охрана». Моя спутница взялась за связку ключей, висевшую у нее на запястье, отперла дверь, впустила меня и закрыла за нами на замок.

Я неуверенно огляделась. Серый палас. Доска объявлений. Яркий плакат призывал «быть начеку», другой напоминал, что мой долг информировать сотрудников тюремной охраны о «неподобающем поведении» заключенных, третий указывал (без всякой на то необходимости, подумалось мне), что «личные отношения между сотрудниками тюрьмы и заключенными являются нарушением закона».

Для тюрьмы открытого типа все это казалось довольно обескураживающим.

– Сюда, мисс Бейкер.

– Пожалуйста, зовите меня Элисон! – попросила я.

В ответ я получила холодный взгляд, и снова в душе шевельнулось недоброе предчувствие. В помещении охраны я увидела третью женщину. Рядом с ней стояла коробка с черными ремнями с чем-то типа поясной сумки. Эта охранница казалась приветливее, чем та, что привела меня сюда.

– Здравствуйте, я Сандра. Сейчас я вас проинструктирую, как обращаться с ключами.

Ключи. После того несчастного случая я очень тщательно отношусь к мелочам. В частности, запираю все замки. Отсюда навязчивое желание дважды проверить входную дверь.

– Значит, во-первых: ни при каких обстоятельствах не снимайте этот ремень. Если вы добровольно отдадите его заключенному, это будет расценено как уголовное преступление. Вышли – обязательно запирайте дверь. Если найдете дверь открытой, вы обязаны остаться рядом с ней и ждать, пока кто-нибудь пройдет мимо; ему и нужно сообщить. Оставлять открытую дверь без присмотра запрещено. К ключнице прикреплен свисток, если возникнет проблема, свистите.

– Какого рода проблема? – не удержалась я.

– Ну, как какого, – пожалала плечами охранница. – Если на вас нападут. Здесь это редкость, но надо держать ухо востро.

Нападут на меня?!

– Ой, да намного больше нужно опасаться игр разума! Заключенные любят давить на жалость, распространяясь, как их обижали в детстве. Они пользуются этим как предлогом, чтобы самим издеваться над людьми.

Меня даже затошнило. Желудок свело словно от голода. Сандра продолжала трещать:

– Первый раз будете расписываться за ключи на входе, в администрации, а второй – уходя, когда сдадите. Если увезете ключи домой, вас уволят. Это понятно?

Мне захотелось попросить ее повторить, но Сандра дала мне бланк, показала, где расписаться, и вдруг у меня в ру-

ках оказались ключи от тюрьмы! Разве я не должна пройти просто драконовский инструктаж, прежде чем мне вменяют такую ответственность?!

– У нас сегодня маловато персонала, поэтому я не смогу проводить вас в учебку. Отправлю с вами кого-нибудь из дежурных.

Мне сразу вспомнился человек, который вез каталку с моей сестрой по больничному коридору.

– Дежурного санитаря? – не удержалась я.

Сандра посмотрела на меня как на идиотку.

– Заключение, которые доказали свою благонадежность, могут выполнять определенные работы. Раздавать, например, почту или водить визитеров по территории.

Дверь открылась.

– А, Курт, вот и вы! Проводите мисс Бейкер в учебку. Она наш новый учитель рисования.

Парень с плохими зубами и длинными волосами широко улыбнулся. Я его сразу узнала – это он предлагал мне помощь, от которой я отказалась.

– Пройдемте, мисс!

Похоже, выбора у меня нет.

* * *

Я побывала в учебке во время собеседования, но не нашла бы дорогу в этом лабиринте без Курта. Все домики оди-

наковые, таблички лишь на некоторых. Мой гид с огромным удовольствием называл их, тыкая пальцем, будто вода меня по своему имению:

– Музыкальный класс! Многоконфессиональная церковь!

Спортзал! Прачечная! Библиотека!

– Целый поселок, – ляпнула я.

Курт рассмеялся, будто удачной остроте.

– Ага, поселок, только уйти нельзя.

Впереди показалось новое строение.

– Компьютерный центр!

– Вам разрешают пользоваться электронной почтой? – наивно спросила я.

– Да вы что! – Курт даже головой покрутил, будто объясняя очевидное несмышленищу. – Это сразу вылететь отсюда. К концу срока дают возможность провести день в городе с девушкой и доказать – ты достаточно ответственный, чтобы выпускать тебя на волю. Но мне этого еще ждать и ждать.

Мне очень хотелось спросить Курта, какой у него срок, но я прикусила язык.

– Тогда чем вы занимаетесь в компьютерном центре?

– Экзамены сдаем и всякое такое прочее, чтобы к выходу приобрести некоторый опыт. Некоторые обучаются на слесарей.

Не успела я задать новый вопрос, как мы оказались перед учебным корпусом.

– Спорю, к вам записалась толпа народу, мисс!

– Рисовать дано не всякому, чтоб вы знали, – резко ответила я, удивив даже себя.

– Я и не говорю ничего такого, – ухмыльнулся Курт. – Это потому, что вы женщина!

Неловкое молчание.

– Здесь работают и другие женщины.

Курт встал между мной и дверью – я не только отчетливо видела его испорченные зубы, но и чувствовала запах дыхания.

– Но не такие хорошенькие, как вы, мисс.

Я не знала, как ответить. Поведение Курта явно относилось к разряду неподобающих – он что, флиртовать пытается? Я не решилась ответить – вокруг никого, вдруг Курт разозлится? Это тюрьма, здесь тот еще контингент... Положительно, кто-то должен меня охранять! Мне остро захотелось в привычный класс колледжа, к ученикам вроде Берил, Лошадиного Лица и Свинцового Человека, не представлявших никакой угрозы.

– Ну же, мисс, – поторопил Курт. – Или вы не будете открывать дверь?

Я поискала нужный ключ на своем черном ремне. Три ключа – один от учебного корпуса, второй от класса рисования, третий от комнаты для персонала в другом здании. Ни один не подписан. Разумеется, нужный нашелся с третьей попытки.

– Заприте за нами, – промурлыкал Курт.

Я почти слышала слова, которые прозвучат на следствии по делу о моем убийстве: «Жертва заперла за собой дверь и сама ступила в ловушку».

Однако, по словам Сандры-ключницы, меня уволят, если я не запру за собой дверь...

Огромное облегчение – внутри голоса, смех! Звяканье кружек! Мы в учебке не одни.

– Здравствуйте! Вы, похоже, Элисон! Как раз успели на кофе перед уроком!

Веселого вида женщина с черными, как смоль, волосами до пояса энергично пожала мне руку. У нее были длинные красные глянцевые ногти, которые больше подошли бы продавцу в отделе дорогой косметики.

– Я Анджела, методистка. Рада познакомиться. Никогда еще не видела настоящей художницы!

Она оглядела меня как будто с некоторым разочарованием. Может, надо было все же одеться поярче, а не в кремовый с черным...

– Простите, а вы знаменитость? Мне называли вашу фамилию, но, должна сказать, я вас не вспомнила.

– Боюсь, что нет.

– Ничего, всем надо зарабатывать на жизнь... Ну что, по чайку?

– А нет ли мятного?

Анджела фыркнула, но без враждебности:

– Только самый обыкновенный. Хотите чего-то особого –

приносите свой, если охрана пропустит. И советую обзавестись личной кружкой – наши уже все в сколах.

– И никогда не знаешь, кто из них пил, – добавил Курт.

– Да уж... Курт у нас та еще привереда. Сейчас я вам расскажу, как мы работаем. – Анджела шумно опустила на стул, жестом показав мне сделать то же самое. Я невольно загляделась на ее волосы – в ее возрасте многие женщины предпочитают короткие стрижки. Я сама остриглась в восемнадцать лет – вскоре после того несчастного случая...

– Сюда приходят все, – продолжала Анджела, – независимо от того, сидят они две недели, два месяца или два года. Если они хотят посещать занятия и в чем-то подтянуться, им нужно записаться. Если их кандидатуры одобряют, они могут учиться математике или английскому. Никакого там уровня «А» или диплома Открытого университета, потому что они здесь столько не пробудут. Хотя если они уже начали учиться в другой тюрьме, то могут продолжать, если у нас найдутся специалисты. А они чаще всего не находятся...

– А при чем же здесь рисование?

Анджела поглядела на меня с видом «это вы мне скажите».

– Представления не имею. Нам сказали, что мы можем получить какой-то грант, если у нас будет художник. Так что сами и объявления развесите, и учеников наберете.

Я вспомнила слова Курта о том, что заключенные наперебой кинутся записываться, потому что давно не видели жен-

щин.

– А мне дадут охрану?

– Это же открытая тюрьма, дорогая! К каждому охранника не приставишь. Да и не нужно это, в учебке обычно всегда кто-то есть. У нас никаких эксцессов не было после...

Она замолчала.

– После чего? – спросила я.

Анджела вздохнула и неуверенно взглянула на меня.

– Да ладно, я как-нибудь стерплю, – храбро сказала я, хотя отчаянно трусила. – Всегда предпочитаю знать правду.

– О'кей, – нерешительно сказала моя собеседница. – С тех пор, как один заключенный облил другого кипятком с сахаром. Чем-то тот ему не угодил... Но это редкость. Вот сколько я здесь работаю – один раз было.

– Почему с сахаром?

– А прилипает к коже... – Но Анджела тут же замахала руками, будто прогоняя вырвавшийся ответ. – Давайте я покажу вам шкаф с материалами... Вот бумага, можете брать. И фломастеры. Подойдет вам?

Остаток дня я писала объявления.

Хотите научиться рисовать красками или карандашом?

Я новый преподаватель рисования.

Записывайтесь на мои занятия в учебном корпусе.

Ниже я нарисовала маленькую палитру, воспользовавшись подсохшими фломастерами из шкафа с канцтоварами.

На большее меня не хватило.

По совету Анджелы я приколола свои листочки на досках объявлений по всей учебке и обошла другие корпуса. Одно объявление я оставила в столовой для персонала, где сидели Сандра-ключница и Анджела.

– Заходите, дорогая, садитесь к нам!

Я не очень хотела пробовать пищу, приготовленную заключенными.

– Я нашла лобковый волос, – заявила Сандра, глядя, как я ковыряюсь в тарелке макарон с сыром. – Шучу! Осторожнее, вы вилку уронили.

Обычно я жую сэндвич в машине, когда еду с одного занятия на другое, и даже не вспомню, когда в последний раз обедала с подругами. Честно говоря, у меня вообще нет подруг, и это меня вполне устраивает. Поэтому я очень удивилась, как, оказывается, приятно покушать еду, которую готовишь не сама. У Анджелы дома муж-пенсионер и сын в Австралии. Сандра в прошлом году вышла замуж и «пробует» завести ребенка. Обе женщины держались на редкость открыто.

– А вы?

У меня во рту были макароны, что дало мне пару секунд придумать ответ.

– Одинока и счастлива.

Женщины переглянулись.

– Я еще не нашла подходящего мужчину, – прибавила я.

Это правда. Я только умолчала, что никого не ищу. Но тут отчего-то некстати вспомнился Свинцовый Человек.

– Ничего, появится, когда совсем не ждешь, – бодро сказала Сандра. – Я своего тут встретила. Один из офицеров. Когда парни узнают, что ты свободна, у тебя отбою от предложений не будет, попомни мое слово.

– Ага, – засмеялась Анджела. – Только не закрути с кем-нибудь из заключенных. В прошлом году у нас в учебке была одна такая. Сейчас сидит.

– Да что вы?

– Ой, они как кролики... В вашем классе, между прочим! Меня передернуло – не успела вовремя прогнать еще и этот мысленный образ.

К счастью, разговор перешел в другое русло. В целом день прошел гораздо быстрее, чем утро: не успела я оглянуться, как уже сдавала ключи, расписывалась и чуть не забыла забрать из шкафчика мои драгоценные краски.

Сев в машину, я проверила мобильный, оставленный в бардачке.

Пропущенный звонок и сообщение от мамы.

«Надеюсь, твой первый день прошел хорошо. Позвони, когда прочтешь».

Ее заботливость напомнила мне первый день в средней школе, когда дома меня ждали горячие тосты с маслом и крепкие мамины объятия. Моя сестра, рисовавшая пальцами на кухонном столе, выкинула очередной номер – сбро-

сила на пол синюю кружку. Я была вне себя, а теперь мне стыдно, что я не проявила понимания. Она же была совсем крошкой...

Прогнать воспоминание.

Я набрала мамин телефон. Сразу включился автоответчик. Ну и хорошо, так легче лгать.

– Все прошло прекрасно, – бодро отрапортовала я. – Честно. Мне здесь, пожалуй, даже понравится. Позвоню, когда приеду домой.

В Лондон я возвращалась, будто побывав на космическом корабле. Прохожие выглядели странно нормальными. Папаша с коляской, старушка с тяжелой сумкой покупок, длинноногая девчонка-подросток, набирающая кому-то сообщение, средних лет супруги, держащиеся за руки, – так не похоже на ту планету, где я сегодня побывала... Примерно так же я чувствовала себя сразу после несчастного случая, не понимая, как это люди живут как жили, а наше привычное существование разлетелось вдребезги.

Сердце холодело при мысли завтра ехать туда снова, но одновременно меня охватывали странное оживление и восторг – так бывает, когда заберешься на головокругительную высоту. В Арчвиле я за целый день почти не вспоминала о своем прошлом, и это стало облегчением.

Выбравшись из машины, я поднялась на крыльцо, и тут у меня возникло отчетливое ощущение, что за мной следят. Я резко обернулась, но никого не увидела.

Глава 6

Китти

Ноябрь 2016 г.

Чуть больше четырех недель прошло с тех пор, как человек с дряблым лицом ушел и больше не возвращался. Китти знала про четыре недели, потому что на днях у нее снова пошла кровь. Месячные пациенток заносились в таблицу.

– У этой как часы, – весело заметила одна из медсестер.

Четыре недели равняются одному месяцу. Странно, как мозг помнит одно и не может определиться с другим – например, с этим гостем с дряблым лицом, который так ее тревожил.

У Маргарет, ее соседки по палате, много лет нет месячных – она уже старая. Она попала сюда еще подростком – на краткосрочный уход, чтобы родители недельку отдохнули. Но отсюда ее так и не забрали. Теперь счета оплачивает кузина.

– Говорит... легче... так... чем... жить... со мной... под... одной... крышей.

Маргарет гордится тем, что она одна из немногих обитателей дома умеет говорить громко и внятно.

Жаль, что она не умеет ночью держать рот закрытым – Китти не может спать из-за храпа соседки. Вот бы ей свою,

отдельную комнату! Но по здешним правилам пациентов «сдваивают» – если одному станет плохо, другой нажмет тревожную кнопку (вернее, потянет за специальный шнур). Такова, по крайней мере, официальная версия. В реальности большинство больных не в состоянии ничего нажать.

– Они... так... делают... чтобы... денег... сэкономить, – сказала Маргарет на прошлой неделе, когда никто не смог позвать на помощь Доне, поскользнувшейся на луже собственной мочи. – Это... не вопрос... безопасности... а потому... что так дешевле... для интерната... если два человека... в одной... комнате.

А между тем сегодня придет Барбара с прямой светлой челкой! Та самая Барбара, которая Китти кого-то напоминает. Она принесет свою губную гармонику, а Китти будет подпевать. В последнее время это стало ее «бзиком», по выражению одной из медсестер.

– Вот и она, вот и она, – нараспев завел Дункан.

Китти готова была взвизгнуть от огорчения – Барбара принадлежит ей и больше никому! Жгучая ревность напомнила ей о прошлом: тогда существовал кто-то еще, кого она считала только своим. Кто же это был?

– Всем привет!

Сегодня Барбара связала волосы в высокий хвост. Как бы Китти хотелось иметь такой же! Но ее волосы спрятаны под черным шлемом, удерживающим вместе кости черепа.

– Смотрите, кого я привела!

С ней заявилились ее одногруппницы в одинаковых блейзерах – красных, будто кто-то обмакнул их в кровь.

– Сейчас мы организуем ансамбль. Заведующая сочла, что вам понравится.

– Ха! – презрительно фыркнула Маргарет. – Бесплатное... развлечение...

– Ансамбль! – Дункан захолопал в ладоши и расплылся в идиотской улыбке, выставив мясистые красные десны и широкий ряд нечистых зубов.

– Отвянь, – зашипела Китти. – Это не для тебя, а для меня! Я буду петь, а Барбара Прямая Челка играть на губной гармонике. Мы так всегда делаем, это наша игра, и с нами нельзя!

– Отчего ты так всполошилась, Китти? – Барбара присела на корточки рядом с инвалидным креслом. – Мы продолжим то, что делали раньше, но будет еще лучше. Смотри, одна из моих подруг принесла тарелки, они с Дунканом смогут на них играть. А другая моя подруга принесла гитару.

– Я... могу... петь... – влезла в разговор Маргарет.

Через мой труп, подумала Китти. Голос этой женщины хуже ее храпа.

– Да будет тебе, Китти, не дуйся! Попробуем разочек!

Можно подумать, Барбара видит ее насквозь, прямо как родная сестра. Китти решила, что Барбара именно такая сестра, о которой она мечтает – чтобы играла с ней, любила и заступалась за нее, как близняшки по телевизору.

Все уселись в круг, и девушка с гитарой начала:

– Появится из-за горы, когда она придет...

Дункан сторбился в своем инвалидном кресле с безумной улыбкой на лице и сияющей тарелкой на коленях. Одна из девушек держала за него палочку.

Бац!

Дункан пришел в такой восторг, будто сам ударил по тарелке.

– В задницу гору! – просиял он.

Одна из девушек захихикала.

– Не удивляйтесь, – понизив голос, обратилась к ним Очень Тощая Медсестра. – Люди с повреждениями мозга часто ведут себя неподобающим образом.

Что бы это значило, подумала Китти.

– Пройдет вокруг горы она...

– Вокруг да около? – проорал Дункан, шлепая себя по бедрам. – Да это ж неприлично!

– Отлично поёшь, – шепнула Барбара Китти, словно не слыша воплей Дункана.

Раздались громкие аплодисменты персонала.

– Bravo, – сказала Леди с Сервировочным Столиком, одна из любимиц Китти: она всегда отдавала Китти лишнюю булочку, если что оставалось.

– Бис! – засмеялась Улыбчивая Медсестра. Просто восторг! Может, они станут настоящей группой, как те, что показывают по телевизору!

– А это один из способов сплочения наших жильцов, о котором я говорила...

Все подняли глаза на вошедшую Помыкашку (по крайней мере, те, кто мог поднимать глаза). Вместе с ней в гостиной появились высокая красивая блондинка, а рядом с ней низенький парень в круглых очках, с очень толстой шеей и стрижкой каре. Он смотрел в пол, будто углядев там что-то интересное.

– Ансамбль! – голос женщины зазвенел. – Это же прелестно, правда, Джонни?

Парень с толстой шеей по-прежнему смотрел в пол. На вид он был ровесник Китти, хотя она точно не знала, сколько ей лет, – в прошлый день рождения на ее тортике красовалась одинокая свечка, как у всех.

– Так демократичнее, – объяснила Помыкашка.

Что-то шевельнулось в груди у Китти. Ей нравится этот парень! Он такой же, как она! Китти это знала, и все. Во-первых, она тоже все время рассматривает пол – он приветливее, чем лица некоторых людей. Но как привлечь внимание невысокого новичка?

– М-м-м-м-м-м, – запела она.

Парень резко вскинул голову и уставился на нее. В толстых очках и с серьезным лицом он напоминал сову из детской книжки, которую обожала Дона.

– М-м-м-м, – снова запела Китти, на этот раз выше.

– Красиво, – сказал он. Его речь была медленной и тя-

желоватой, а глаза – красивого темно-коричневого оттенка. А еще они были очень узкие, почти как щелочки, будто он только что проснулся и не успел привыкнуть к свету.

– Что ж, мило, – сухо сказала Помыкашка. Это были ее первые слова о Китти после бегства от гостя с дряблым лицом.

– Хочешь тут пожить, Джонни? – спросила блондинка. – Денек-другой? Вдруг тебе понравится?

Китти не помнила, чтобы ее об этом спрашивали.

– Может быть, – отвечая, новичок смотрел на нее. Китти почувствовала, как запылали щеки.

– Пора сворачиваться, – объявила Помыкашка. – Всем большое спасибо.

Джонни оглянулся через плечо, пока вперевалку брел по коридору за высокой блондинкой. Барбара тоже это заметила.

– Может, он станет твоим другом!

– Нам... здесь... не... разрешают... заводить... бойфрендов, – вмешалась Маргарет.

– С мальчиками можно и просто дружить, – довольно резко ответила Барбара.

Кожу Китти закололо невидимыми иголочками. Мальчик?

Это слово ей что-то напомнило. Что-то нехорошее.

– Перестань, не надо так биться головой!

Но это единственный способ прогнать отвратительное

ощущение, которое окутало ее черной тучей. Хотя Китти не могла понять отчего.

Глава 7

Элисон

Ноябрь 2016 г.

Добро пожаловать, Элисон Бейкер.
Вот ты и здесь наконец.
Жду не дождусь встречи.

Послание в моей дрожащей руке составлено из букв, вырезанных из журнала.

Я приехала на занятия пораньше и сходила к ячейкам для персонала проверить почту. Обычно для меня ничего не было, но сегодня...

Коричневый конверт. Внутренняя тюремная почта.

С минуту я смотрела на послание, пытаюсь уразуметь, как это понимать. Может, все совершенно невинно и беспокоиться не о чем? Но здесь никто не знает моей фамилии, кроме персонала!

В дверь постучали – мои мужчины начали собираться. Сунув записку в карман, я отперла класс, готовая к уроку.

– Мисс, что вас заставило к нам податься? Мы заинтригованы!

Вопрос задал Барри, низенький человечек с головой, похожей на лампочку – широкой вверху и сужающейся к под-

бородку. У него кружка с надписью «Лучшему дедушке в мире». Его все так и зовут – Дедом. До сих пор я находила его вопросы занятыми и даже лестными, но сейчас я вне себя.

Я покосилась на окно. Патруль охраны проходит мимо учебки каждые четверть часа, но до главного офиса отсюда добрых десять минут.

– Потому что я хочу, чтобы все люди научились получать удовольствие от искусства, – резко ответила я, роясь в шкафу с канцтоварами. Что угодно, лишь бы занять руки.

Барри кивнул, явно удовлетворенный, а я вздрогнула, вспомнив последний совет Анджелы:

– Не говорите им о себе ничего – потом не отстанут. Однажды одна наша учительница проговорила классу, что выходит замуж, так один из заключенных проходу ей не давал, обещая ей золотые горы, если она выйдет за него.

– Кошмар какой! – ужаснулась я.

– Она сообщила об этом начальнику тюрьмы, но заключенный не отставал. В результате его перевели в другую тюрьму. Допек ее, надо полагать. – Анджела сделала лицо «а что поделаешь?». – Заключенные выкидывают странные номера, когда рядом женщины.

«Наконец ты здесь. Жду не дождусь встречи».

Неужели писал один из моих учеников? У меня их только двое, Барри и Курт.

Да, Курт тоже ходит на занятия. Улыбается мне, показывая испорченные зубы. Особенность преподавания изобра-

зительного искусства в том, что к ученикам приходится подходить вплотную, чтобы помогать, – неидеальная ситуация в условиях тюрьмы. Но Анджела относится к Курту с симпатией, а я ей доверяю.

Сегодня мы будем рисовать мультяшных котов. Я к кошкам равнодушна, но Барри непременно хочет отправить открытку своим внукам.

– Они обожают котят, – с грустью в голосе поделился он.

Я старалась думать о нем и его внуках вместо записки, прожигающей, по ощущениям, дыру в кармане. Мягким фломастером я на белой доске нарисовала «кошку», кругами наметив голову и тело и прямыми линиями – усы.

– У меня лучше получается, чем у него, мисс? – спросил Курт. Вот же, хлебом не корми, дай подставить меня своими вопросами!

– Смысл искусства не в том, у кого лучше, а у кого хуже, – поправила я. – Произведение искусства судят по его достоинствам, заслугам...

– Что, как нарушителя закона?

Я еле сдерживала раздражение от его постоянной ухмылки.

– Так Дед вообще легко отделался! Хотите знать, что он сделал?

– Пошел к черту, Курт! – буквально зарычал Барри. Я ощутила уколы мелких невидимых иголочек-мурашек на коже.

– Хорош, Дедуля! Ты пугаешь нашу творческую леди. Vedi себя прилично.

«Творческая леди» – прозвище, которым с недавних пор Курт меня наградил, ухитрившись в двух словах передать затаенное одобрение и изрядную долю сарказма, не скатившись, однако, до прямого оскорбления. Я его не поправляю – ведь он только этого и ждет.

Не могу передать облегчение, охватившее меня по окончании занятия. Курт вскочил открыть мне дверь.

– Спасибо, – говорю я, – но вы должны выйти первым, чтобы я могла запереть класс.

Он сверкнул своей жуткой улыбкой:

– А вам не помочь навести порядок?

Может, это Курта следует опасаться?

– Нет, благодарю вас.

Мне сразу стало легче, когда он наконец вразвалочку вышел. За ланчем меня так и подмывало рассказать Анджеle о записке, однако что-то одновременно и удерживало.

Поэтому я говорила об уроке, о новом ученике по прозвищу Дед и о том, как мы рисовали кошку. Жуя свои макароны с сыром, я старалась не думать о том, что может оказаться в тарелке.

– Погодите, речь идет о Барри? – моя новая подруга, заметно побледнев, перестала есть. – Он в вашей группе и рисует кошек?

– А что, это запрещено? – с учащенно бьющимся сердцем

спросила я. Что я еще натворила?

– Да, вы не можете знать, – Анджела покачала головой и отложила вилку. – Его посадили за убийство троих детей. – Ее передернуло. – Не помните сенсацию середины 60-х?

– Я тогда еще не родилась, – напонила я.

– Ох ты... Вот я дура!.. Когда полиция его арестовала, в доме было полно кошек, очень ухоженных, а в кошачьих мисках нашли человечину...

Меня начало мутить.

– И его семья продолжает с ним общаться?!

– Насколько я знаю, у Барри не бывает посетителей.

Я похолодела.

– Но у него кружка «Самому лучшему дедушке»!

– Наверное, сам себе купил, это не запрещено. Заключение получают список разрешенных к заказу товаров...

– Зачем?!

– Чтобы нас обманывать – и себя заодно. Сделать вид, что он нормальный приятный пожилой человек. – Анджела понизила голос: – Элисон, мало ли кто лжет! У всех свои секреты. Еще посмотрите коварства... Попадают и приличные люди, но иногда трудно отличить одних от других... Мой совет – привлеките к делу Курта. Может, он и немного с приветом, зато он всех знает. Попросите его найти для вас больше учеников и следите, чтобы он обязательно присутствовал в классе, когда Барри на уроке.

– А что совершил Курт? – еще дрожа, спросила я.

Анджела готова была ответить, но передумала и отбросила назад длинную и черную как смоль прядь.

– Лучше вам не знать. Но поверьте, волноваться о нем не следует.

Записка, а потом правда о преступлении Барри оказались для меня чересчур. В тот вечер я добралась до колледжа на ватных ногах, зато с чувством неподдельного облегчения: мне остро требовалось общество людей, не совершавших преступлений. Ученики, явившиеся на изготовление витражей, уже ждали в классе. Единственный, кто отсутствовал, – Клайв с волевым подбородком, он же Свинцовый Человек. Я ощутила мимолетное разочарование, которое тут же прошло.

– Добрый вечер, Элисон! – послышался хор радостных голосов. Сегодня в мире моей витражной группы знаковое событие.

– Как прошел ваш день? – весело спросила студентка с лошадиным лицом.

Я могла ответить, что помогала маньяку-детоубийце рисовать мультяшных кошек, но сочла за лучшее не отвечать вовсе.

– А у вас?

– Скука. Домашняя каторга. Возила грязь и все мечтала вырваться сюда. Оставила мужу в духовке макароны с сыром...

Макароны с сыром. Никогда больше не стану их есть. Они теперь ассоциируются у меня с котятами, кошачьим кормом и...

– Ладно, класс! – сказала я с фальшивой веселостью. – Перчатки надели? А очки?

– Надели! – радостно подтвердила Берил. За окном слышался рокот мотора, и на парковку въехал сверкающий серебристый «Порше», из которого выбрался высокий мужчина в зеленом клетчатом «барбуре»⁵. Свинцовый Человек.

Не люблю, когда опаздывают, а я уже начала объяснение: это мешает вести урок. Помогать опоздавшему нагнать группу означает меньше времени уделить тем, кто пришел вовремя.

– Простите, – торопливо войдя в класс, Свинцовый Человек виновато поглядел на меня. – Совет директоров продлился дольше, чем я рассчитывал.

Можно было догадаться – типичный руководитель. Я не спрашиваю учеников, кем они работают, потому что часто люди приходят сюда в поисках отдушины. Да и в тюрьме мне лишний раз напомнили неписаное правило – не задавать вопросов.

А ну-ка, соберись, Элисон!

– Мы как раз проверяем, подойдет ли стекло к вашим рам-

---

⁵ Обычно стеганая, с особой пропиткой охотничья куртка фирмы «Барбур и сыновья», прозрачно указывающая на принадлежность владельца к состоятельному классу. (Примеч. перев.)

кам, – сказала я.

После демонстрации – я ощутила знакомый восторженный трепет, несмотря на разыгравшиеся нервы, когда мое стекло идеально подошло, – я немного посидела с каждым учеником. К Свинцовому Человеку я подошла в последнюю очередь – отчасти в качестве наказания, а еще потому, что он вселял в меня странное беспокойство. Он больше не приглашал меня на ужин и был с того раза самой корректностью.

– Простите, мне действительно неловко за опоздание, – сказал он, понизив голос.

– Ничего, все нормально.

Может, я неправильно воспринимаю ситуацию и Клайв ничего не замышляет, просто у него хорошие манеры? Но когда я помогала ему срезать острый краешек стекла, наши руки нечаянно соприкоснулись, и от него точно проскочила искра. Опасность и интерес.

– Извините, – сказали мы одновременно.

– У меня получилось! – взвизгнула Берил. – Смотрите, Элисон!

Сердце у меня взмыло в небеса – она сложила витраж! Синий тюльпан на фоне красного неба.

– Осторожно, – поспешила сказать я, – его надо закрепить...

Дзынь! Слишком поздно, куски стекла выпали. Я помогла расстроенной студентке подобрать осколки.

– Вот я растяпа...

– Со мной такое тоже было, – заверила я. – Не беда, сделаем новый витраж.

Осколки я отнесла в лаборантскую и незаметно выбрала один, завернув в платок: томительное желание росло во мне целый день.

– Вы отлично разрулили ситуацию, – похвалил Клайв, снова задержавшись дольше остальных. – Я восхищен тем, как вы спасли положение. Ведь...

– Спасибо, – перебила я, вдруг испугавшись. – Мне пора запирать класс. Приходите на следующей неделе.

В окно я смотрела, как он идет к своей сверкающей машине. В душе я была рада ощутить его прикосновение и сожалела о том, что оборвала разговор, но мне казалось, что раз моя сестра не может жить полной жизнью, то и я не имею на это права.

Я поспешно прошла в лаборантскую, достала осколок стекла и прижала к запястью, упиваясь моментом, как алкоголик, держащий в руках бутылку.

Я не могу больше ждать.

И я говорю не только о порезе.

Медальон на еще теплой коже.

Незнакомый голос.

То всплывает в сознании, то уходит в глубину.

Сирена.

Затем ничего.

«Из ничего и выйдет ничего».

Где я это прочла?

Когда?

Или все это мне просто пригрезилось?

Глава 8

Китти

Ноябрь 2016 г.

Сколько она здесь пробыла? Сложно сказать. Покормили ее точно больше трех раз – овсянка, картофельная запеканка с мясом и омлет. Китти и лазанью помнит.

Запеканка здорово запачкала пол, когда Китти ее сбросила, – даже на колеса инвалидного кресла попало. Но лазанья все равно пачкает сильнее.

– Непослушная девчонка, – заворчала Суматошная Медсестра, опускаясь на колени.

– Сама виновата! – возразила Китти, ударив здоровым кулаком по подносу с едой. – Я тебе уже говорила, я не ем мяса после той программы о коровах!

– Ничего, ничего! Не тебе же придется сегодня опаздывать домой к ужину!

Домой. Китти повертела это слово в голове. Дом показывают по телевизору, там люди лежат на диванах или ссорятся, как в «Жителях Ист-Энда»⁶. Но еще Китти помнила, что настоящий «дом» – это там, где живет Пятничная Мамаша. По крайней мере, Китти так кажется – как ей там жилось,

---

⁶ Британский мелодраматический сериал. (*Примеч. ред.*)

она не помнит.

В комнате, куда ее поместили, телевизора нет, только белые стены и матрац. Кровати тоже нет, чтобы Китти не поранилась – колотится же она головой о спинку инвалидного кресла.

– У тебя тут здоровенный синяк, – уже мягче сказала ей Суматошная Медсестра. – Болит?

Конечно, болит, черт побери! Хуже всего, Барбара видела, как Китти в ярости бьется головой о спинку кресла. Что она теперь подумает?

Едва она вспомнила Барбару, как на память пришла фраза: «С мальчиками можно просто дружить».

От этого Китти не удержала вопля, мотнула рукой и снова бросила все на пол.

Еще шесть кормежек. Значит, прошло два дня.

Кто-то идет – в коридоре слышались приближающиеся шаги. Китти стиснула здоровую руку в кулак от страха.

– А, вот и ты.

Тьфу! Всего лишь Помыкашка. Облегчение сменилось раздражением: а где еще Китти быть? Ее запихнули в эту дальнюю палату, чтобы не будоражила других «жильцов». Тоже еще отель нашелся! Ох, если бы!.. По телевизору Китти видела отели, там так круто!

– Я слышала, что ты наконец исправилась: еду на пол не швыряешь, головой не бьешься. – Помыкашка обращалась к

ней как к ребенку: – Если я переведу тебя в прежнюю палату, будешь себя хорошо вести?

Китти кивнула, но голова сама качнулась влево-вправо.

– Не будешь? – нахмурилась заведующая.

Может, если покачать головой из стороны в сторону, она кивнет? Иногда у Китти это получается. Вверх и вниз. Вверх-вниз. Слава богу!

– Ну, хорошо, – недоверчиво произнесла Помыкашка. – Но чтобы вела себя нормально!

Улыбчивая Медсестра ждала Китти в комнате.

– А пока тебя не было, у нас появился новенький! Очень приятный молодой человек. Ты его уже видела – Джонни. Всех очаровал!

– Да! Да! Да!

– Обрадовались? Конечно, приятно видеть новое лицо, тут я с тобой согласна.

Улыбчивая Медсестра из тех, кто делает вид, будто понимает, о чем говорят пациенты. Обычно она попадала пальцем в небо, но на этот раз примерно угадала.

– Его поселили с Дунканом. Признаюсь по секрету, я ему не завидую.

Китти была с ней полностью согласна: Дункан отличался привычкой расчесывать тело до крови, будто его кусали блохи (которых у Дункана, естественно, не было). С зудом безуспешно боролись, но когда ему связывали руки, Дункан плакал. Поэтому он носил перчатки.

Улыбчивая Медсестра переодела Китти в более новую одежду и повезла в общую гостиную. Там будет Джонни! Китти подняла здоровую руку к волосам, которые немного выглядывали из-под шлема.

– Я нормально выгляжу? – спросила она.

Вот бы у нее в комнате было зеркало! Однако из-за того, что она бьется головой, его сняли и унесли. М-м-м-м... М-м-м-м...

– Знаю, знаю, приятно вернуться к старым друзьям. Так, кто забыл, а вот и Китти!

Это прозвучало так, словно Китти только что вернулась из отпуска, который показывают по телевизору – где все стоит гроши, если заказать прямо сейчас.

– Привет! – сказал Джонни, но тут же его лицо сделалось испуганным: – Что с тобой сделали?

Китти почувствовала, как запылали щеки. О чем это он?

Дункан влез в разговор:

– У тебя между зубами здоровая щель! Страшно некрасиво!

– Хватит, Дункан, – вмешалась медсестра. – Мы все об этом знаем. Это от удара о кресло, когда Китти билась головой. Дантист все исправит.

Китти почувствовала, как горячая слеза катится по ее пылающей щеке.

– А по-моему, ты прелестна, – сказал Джонни. Он подошел и взял Китти за руку!

Ей показалось, что она сейчас умрет от счастья.

– Ну-ка, отпустите руки! А вот кто хочет видеть Барбару, а? Она придет сразу после обеда и порепетирует с оркестром! У меня прекрасная новость – мы устроим концерт и пригласим ваших родственников!

Произнося последнюю фразу, Улыбчивая Медсестра смотрела на Китти. Почему? Что-то явно происходит.

– О концерте напишут в местной газете, – продолжала медсестра. – Хочешь участвовать, Джонни?

– А можно мне сесть рядом с Китти? – спросил Джонни.

– Гм. Посмотрим.

Джонни быстро заморгал.

– Не хочу участвовать, если нельзя сидеть рядом с ней!

– Он влюбился! – крикнул Дункан, неистово чешась.

– Чепуха, Дункан, – вмешалась Очень Тощая Медсестра. – Ты же прекрасно знаешь, излишняя фамильярность против наших правил.

Но едва она отвернулась, Джонни снова взял Китти за руку, отчего у нее ослабли коленки. Каково, интересно, целоваться долго и страстно, как в «Жителях Ист-Энда»? Но там актеры всегда потом кричат друг на друга или швыряются вещами.

Джонни этого делать не станет. Он защитит ее, как хорошие бойфренды из телевизора. Только поглядите, как он ей улыбается! Сердце Китти воспарило к самому потолку в коричневых пятнах. Она еще никогда не была так счастлива!

М-м-м-м! М-м-м-м!

– Китти! – мягко сказала Улыбчивая Медсестра. Джонни поспешно отпустил ее руку, и Китти ощутила болезненный укол. – Тебе пора к дантисту. Боюсь, репетицию придется пропустить.

Нет! Она хочет остаться с Джонни!

Китти начала пронзительно кричать – за несколько лет она усвоила, что это очень эффективное выражение неодобрения.

– Если ты не перестанешь, нам придется снова отправить тебя в тихую комнату!

– Не надо, – сказал Джонни, быстро заморгав. Китти иногда тоже быстро моргает, когда расстроена. – Оно того не стоит. Я буду здесь, когда ты вернешься. А ты будешь очень красивой с новыми зубами.

– О’кей, – скрепя сердце согласилась Китти, – я поеду к чертовому дантисту, но только ради тебя.

– Понятия не имею, что ты там лопочешь, – вздохнула Очень Тошная Медсестра, – но раз ты перестала визжать, мы принимаем это в качестве извинения. Кто-нибудь поможет мне с ее креслом?

Это было нелегко, но Китти ухитрилась извернуться, когда ее увозили. Джонни помахал ей на прощание и – ого! – послал воздушный поцелуй. Сердце у Китти так и перевернулось в груди – она буквально ощутила, как оно ворочается под ребрами.

Однако самое лучшее в бойфренде то, что ее теперь есть кому защитить. Если гость с дряблым лицом вернется, Китти отправит Джонни с ним разобраться.

И ей не придется больше видеть Дряблую Физиономию.

Глава 9

Элисон

Ноябрь 2016 г.

Больше писем не было.

Я убеждала себя, что это розыгрыш – развлекается какой-нибудь заключенный с извращенным чувством юмора или кто-то из охранников потихоньку забавляется моим испугом (Анджела предупреждала, что здесь принято проверять новичков «на характер»).

Так или иначе, страх пришлось скрыть из самосохранения (не подумайте, что мне это внове) и сосредоточиться на непосредственно происходящем. В последние недели мой класс начал заполняться благодаря Курту, который меня бешено рекламировал и с энтузиазмом бегал по территории тюрьмы с флаерами. «Мои мужчины», как я называю про себя учеников, отличаются постоянством: они словно гордятся тем, что ходят на мои занятия.

– Я у вас многому научился, мисс, – заявил на днях Курт.

– Я у вас тоже, – ответила я.

Это правда – даже за такое короткое время я усвоила неожиданно много. Это как очутиться в новом, неведомом мире. Взять хотя бы коммуникацию: мобильные телефоны здесь под запретом, поэтому связаться с кем-то очень труд-

но, будь то в тюрьме или на воле. У некоторых сотрудников в кабинетах стоят стационарные телефоны, но не у всех имеются автоответчики. На днях мне понадобилось найти Сандру – ключ от учебного корпуса туго поворачивался в замке. Ее кабинет оказался заперт, и мне пришлось подсовывать под дверь записку с объяснением ситуации.

Но как мне нравится открывать таланты, которые много лет подспудно скрывались, не имея возможности проявиться! Мне приятно думать, что папа бы мной гордился. Иногда я даже забываю наносить себе порезы по вечерам – уровень адреналина и без того зашкаливает, я постоянно начеку на случай инцидентов, поэтому желание калечить себя ослабло. Все время думаю о Барри с его кошками – теперь я не могу заставить себя взглянуть ему в лицо. Вот бы он бросил занятия! Но Барри, как нарочно, не пропускает ни одного занятия.

– Мисс, не напомните, как рисовать усики? – просит он. Можно подумать, он знает, что я знаю, и нарочно доводит, чтобы я не выдержала и спросила – как он мог такое совершить. Трех детей! Трех!

– Через минуту покажу, – коротко говорю я. – Подождите своей очереди.

Барри сидит с уязвленным видом, но Курт заговорщически кивает мне и говорит:

– Да, старик, слушайся мисс Элисон!

Мисс – обращение, принятое среди заключенных для ра-

ботниц тюрьмы, равно замужних и незамужних, но прибавляемое Куртом «Элисон» придает его речи неприятную фамильярность.

Я намеренно не представлялась по имени, но у заключенных свои способы разузнать информацию.

– Как вы считаете, Дед опасен? – вырвалось у меня, когда Курт помогал мне после занятия (Барри только что ушел, сославшись на дежурство по кухне, но я видела, что он обижен моей отповедью).

– А почему вы спрашиваете, мисс?

Вопрос застал меня врасплох – здесь не принято, «невежливо» спрашивать, кто за что сидит.

– Мне рассказали о Барри и... его преступлении, – решила я. – И я немного боюсь...

– Что он может убить снова? – договорил за меня Курт.

Я кивнула.

– Кто его знает. – Курт задумчиво поскреб подбородок. – Когда просидел большую часть жизни, мысль об освобождении скорее пугает, особенно если на воле тебя поджидают родственники жертв. Дед скоро выходит условно-досрочно, но он реально не рвется за забор. Не исключено, что он что-нибудь выкинет, чтобы это, остаться в системе и не рисковать шкурой.

Я закусила губу.

– Не волнуйтесь, мисс, – Курт не тронул меня за руку в знак ободрения, но у него был вид, будто ему хочется это

сделать. – Вас в обиду не дадут, вы нам нравитесь.

Стоп, заключенный только что предложил мне защиту? А я настолько наивна, что доверилась ему? И, самое пугающее, Курт искренне считает, что Дед по-прежнему представляет угрозу? А вдруг Барри перешел с детей на взрослых? Может, я зря отшила его на занятия?

На другой день я поделилась своими страхами с Анджелой:

– Предположим, я кого-нибудь ненароком задену, вызову раздражение, а они попросят кого-то из своих друзей навестись ко мне домой?

Я думала о том случае, когда мне показалось – за мной следят, но говорить об этом Анджеле не стала.

Она наклонила голову набок – видимо, мои слова показались ей не лишены смысла. В душе шевельнулась смутная тревога.

– Издержки профессии. Я-то не волнуюсь, у меня есть мой Джефф. – Она засмеялась. – Один взгляд на моего старика, и любой из наших подопечных слиняет в туман. Джефф у меня крепкий, как танк.

Но у меня-то никого нет, только вторая квартирантка и хозяин! Анджела заметила, что я промолчала.

– Попробуйте поставить мужские ботинки у входной двери и всегда запирайте дверь на цепочку. Впрочем, это просто опасения... Я никогда не слышала, чтобы заключенные преследовали кого-то из здешних работников.

Всегда все бывает в первый раз, возразила я про себя.

– Ну, не сидите с таким видом, милая! Если всего бояться, работать некому будет.

– Анджела! А я-то вас ищу! – мужчина с целой коллекцией серег в правом ухе с размаху уселся за наш стол, не спросив разрешения. Он вполне мог сойти за заключенного, но это сотрудник местного центра занятости, подбирает заключенным работу на воле. – Нужна рекомендация. У меня тут парень, у которого есть шанс получить работу в отеле!

Извинившись, я отправилась в обратный путь между корпусов к своей «студии». Тема сегодняшнего занятия – портрет. В колледже я ставила каждому зеркало, чтобы учащиеся могли копировать свое отражение, но в тюрьме вешать зеркала не положено, поэтому мои мужчины будут рисовать друг друга. Вообще парные упражнения сплавивают людей, помогают наладить контакт и выявляют общие склонности (так мне сказали).

Я открыла шкаф с материалами, чтобы взять ножницы и бумагу разрезать на квадраты, и замерла: сверху лежал обрывок тюремной газеты с фотографией из раздела «Добро пожаловать в коллектив». Моей фотографией. В середину моего лица была воткнута красная канцелярская кнопка, а ниже фломастером неровными, почти детскими буквами выведено:

Я ТЕБЯ ДОСТАНУ!

В панике я разорвала обрывок на мелкие кусочки, уколов-

шись о кнопку, и только после этого спохватилась, что это надо было сохранить в качестве улики. Но в глубине души я знала – я все равно никогда никому это не покажу. Да и что доказывать? По этому клочку не установишь личность писавшего. Если я подниму шум, по тюрьме поползут слухи, и мне станет только хуже.

Мысли путались. Я сосредоточилась на разрезании бумаги, а закончив, убрала ножницы подальше в шкаф.

Забудь об этом, твердо сказала я себе. Этого не было.

У меня сегодня шесть учеников, включая Барри и новенького – нахального юнца. Когда я объяснила, что сегодня все будут рисовать друг друга, он вытаращил глаза:

– Фигня какая-то!

Я не устаю удивляться, какими незрелыми, ребячливыми оказываются на поверку некоторые из заключенных. Может, эта незрелость и привела их в тюрьму? Порой так и хочется все бросить и вернуться к работе в колледже и прилежным студентам вроде Берил. Она-то не станет вкалывать канцелярские кнопки мне в лицо.

– Вначале отметьте точками нос, глаза и уши, – начала я, но тут открылась дверь. Старик с тростью и большими ушами-лопухами ухватился за спинку ближайшего стула, будто ему трудно стоять.

– Это Стефан, новый ученик, о котором я вам говорил, – явно заволновавшись, сказал Курт. Почему он нервничает?

– Можно мне присоединиться к уроку, мисс? – У старика

был странный акцент. Восточная Европа?

Следовало отказать – он опоздал, к тому же получится нечетное число учащихся, а значит, ему придется рисовать меня, а мне – его. Но старик казался безобидным. Он насилу передвигается, какая от него угроза? Моя обезображенная фотография и «Я тебя достану» – явно не его рук дело.

Разумеется, остальные не упустили возможности воспользоваться тем, что я не могу следить за ними и одновременно делать набросок со Стефана.

– Я не хочу рисовать Стена, мисс, у него нос огромный!

– Отвянь, Уэйн! Зато у тебя уши мелкие, совсем как твоя...

– Следим за языком, – перебил Курт. – Вы в присутствии дамы.

– Учительский любимчик, – пробурчал кто-то.

Курт фыркнул, но благосклонно. Хотя он демонстративно старается помочь, мне до сих пор неловко, что он попадает на пути, куда бы я ни пошла. А реклама моего курса – он занимается этим по доброте сердца или чего-то ожидает взамен? Вдруг я все только испортила, признавшись в своих опасениях?

Вернувшись домой, поищу в интернете, что натворил Курт. «Гугл» для того и существует...

Но если я выясню о нем нечто чудовищное, мне станет невыносимо с ним работать. А я, хоть и не желаю в этом признаваться, уже привыкла рассчитывать на Курта.

– Может, кто хочет чая? – спросил он, прервав мои раздумья.

Дед – Барри – с грохотом выставил свою кружку на стол. Меня передернуло.

В комнате есть чайник, хотя кипятик потенциально опасен. Как я уже убедилась, порядки в открытой тюрьме весьма противоречивы. Заключенные имеют право пить чай во время занятий, а чаем, между прочим, можно сильно ошпарить, особенно если плеснуть нарочно. При этом острые предметы им брать в руки запрещено. Заключенные могут покидать территорию тюрьмы в маленьких белых минивэнах, но после работы – хоть трава не расти – должны бегом бежать в тот же минивэн и быть в своей камере вовремя.

Стефан увлеченно рисовал, не обращая внимания на шум.

– Хотите взглянуть? – сказал он, будто почувствовав мой взгляд.

Я ахнула – рисунок просто превосходен! Тени положены идеально, а именно светотень, как известно, представляет собой наибольшую трудность! Я почти забыла о найденной записке.

– Вы раньше рисовали? – спросила я.

– О, очень давно. В прежней тюрьме не преподавали рисования.

– А можно повесить на стену, чтобы все посмотрели? – перебил Барри. – И моих кошечек тоже!

От звука его голоса мне стало не по себе.

– Там видно будет.

Отвернувшись, я нечаянно налетела на Курта, несшего чашку чая. К счастью, чай не был особенно горячим, но на белой блузке расплылись пятна. Черт! Я подошла к столу и начала искать в ящике влажные салфетки.

В этот момент непонятно откуда раздался душераздирающий вопль:

– О Господи! Зарезали!

Сперва я решила, что это чья-то дурная шутка, но в следующее мгновение кровь застыла у меня в жилах.

Барри лежал на полу, воя от боли, а из головы сбоку торчали ножницы – те самые, которыми я разрежала листы перед началом урока. Не чувствуя под собой ног, я подошла. Все в классе вскочили со своих мест.

Уши заложило, но отчетливо слышался тоненький звон. Кожа покрылась потом, сердце билось тяжело и сильно, будто в груди качался массивный маятник. Нет. Этого не может быть. Нет.

Левый глаз Барри, стекленея, уставился на меня, а правый потонул в темно-красной крови, залившей половину лица.

Глава 10

Китти

Ноябрь 2016 г.

Не дантист, а садист какой-то!

– Держите ее, пожалуйста, – то и дело просил он медсестру.

– Не могу, она дерется!

«Я не вредничаю, – хотела сказать Китти, я пытаюсь вам сказать, что вы мне губу прищемили!»

Но говорить со всякой медицинской всячиной во рту было невозможно, а даже если бы Китти и заговорила, дантист бы ее не понял. Пора уже привыкнуть, сказала она себе.

Но Джонни же угадывает ее мысли, причем более-менее верно! Китти очень нравилось, что и у него зубы не идеальные: торчат под странным углом, стянутые толстой серебряной скобкой.

– Удерживайте ее неподвижно, пожалуйста, – в голосе дантиста появились нотки отчаяния. – Иначе слепок не получится!

– Не могла бы ты минуточку посидеть спокойно, дорогая? – голос медсестры стал мягче и немного неуверенным. Китти даже вспомнила о Пятничной Мамаше, которая пропустила уже несколько пятниц. – Думай о чем-нибудь при-

ЯТНОМ.

Джонни.

Избивающий гостя с дряблым лицом до кровавых соплей, как показывают по телевизору.

– Так-то лучше, – похвалила воспрянувшая духом медсестра. – Теперь врач может нормально работать. Молодец, Китти!

Скоро она будет сидеть рядом с Джонни. Его поцелуй надежно спрятан у нее в кармане. – Китти поймала его в воздухе здоровой рукой.

– Вот и все! Хорошая девочка.

Китти просияла. Мало кто называл ее хорошей девочкой. «Трудная» было одним из любимых словечек Помыкашки. «Болтушка» – это прозвище дала ей одна из медсестер. «Красивая», – сказал Джонни, когда ее увозили: медсестры надели на Китти коричневое клетчатое платье, которое Пятничная Мамаша привезла в свой последний визит.

– Помыкашка сказала, что у дантиста нужно выглядеть нарядно.

Джонни понравилось платье или Китти в новом платье? Интересно, он огорчится, что теперь платье забрызгано кровавой слюной, потому что Китти отказалась надевать клеенчатый нагрудник?

Весь обратный путь в фургоне Китти очень надеялась, что Джонни дождетя ее, как обещал. М-м-м-м... М-м-м-м...

– У тебя по-прежнему уродливая дырка в зубах, – Дун-

кан, нещадно чешась, топтался у входа. – Ты же вроде была у зубного?

– Потому что сделали только слепок, дурак, – отмахнулась Китти. – Кстати, попроси подобрать тебе другую мазь, чтобы не драть ногтями свою поганую кожу!

– Лопочешь, лопочешь, – Дункан с жалостью поглядел на нее. – Больше ничего не можешь. Кстати, Китти, ты пропустила репетицию! Она уже закончилась!

Вот козел! Китти в отчаянии огляделась, ища Джонни. Может, в общей гостиной? Крутя колесо кресла здоровой рукой, она поехала туда. Пусто, только Леди с Сервировочным Столиком прибирала посуду.

– Джонни, – настойчиво сказала Китти. – Мне нужен Джонни!

– Уже вернулась, милая? Я видела, как ты придремала у электрокамина. Должно быть, устала.

Может, Джонни в игровой, режется в крестики-нолики? Он говорил, что силен в настольных играх, и собирался научить Китти играть в пикшенари⁷. Он обещал!

– Хочешь булочку с глазурью, пока ждешь? – предложила Леди с Сервировочным Столиком. – Целых две остались, твоя и Джонни. Такой милый мальчик, и с приятными манерами! Слег с температурой, не закончив музыкальной репетиции, и пропустил полдник!

---

⁷ Игра на угадывание слов, когда их смысл изображается игроками с помощью доступных средств. (Примеч. перев.)

С температурой? А вдруг он так разболеется, что его отправят домой или в больницу? При слове «больница» Китти обдало жаром. Почему?

Но память отказала прежде, чем воспоминание успело оформиться.

Китти была готова броситься на поиски. Нужно найти Джонни! Быстро! Даже если это против правил.

– Собралась... к Джонни... в комнату... не иначе? – раздался из палаты голос Маргарет, когда Китти проезжала по коридору. – Тебя... поймают. Ты... же... знаешь... нам... не разрешается... заходить... в мужское крыло... погоди... секунду... погляжу... чем... я... смогу... помочь.

Китти замечала, что дыхание Маргарет становится тяжелее, если она чего-то хочет или не хочет. Но обычно она не бросалась помогать другим, как сейчас.

На другом конце коридора послышался громкий голос:

– В третьей палате потянули за тревожный шнур!

– Давай... давай... – хрипло выговорила Маргарет.

Быстро, быстро, пока ее не заметили. По этому коридору. Налево. Здоровая рука уже болит. Сюда. Так, какая же дверь?

А, вот. «Джей» значит Джонни. Дверь слегка приоткрыта. Китти повернула туда, но кресло застряло.

– Кто там? – послышалось от кровати. – Китти, это ты?

Нос у бедняги Джонни был красный, лоб блестел от пота.

– Я так рад, что ты пришла!

Правда?! Живой восторг наполнил Китти, и она подъехала вплотную к кровати Джонни.

– Мне страшно обидно, что я не дождался тебя, как обещал! Но едва ты уехала, у меня сразу поднялась температура, а теперь сильно болит голова. У меня часто бывают головные боли после нападения.

– Какого нападения?!

– Ты спрашиваешь, что со мной случилось?

– Да!

– Ты уже знаешь, что я родился с синдромом Дауна, – на его лице появилось отсутствующее выражение. – Но это не все. Однажды вечером я был в пабе с приятелями, и один козел подошел и начал издеваться над тем, как я выгляжу. Ребята сказали ему отвалить, но этот урод разбил бутылку пива о мою голову. С тех пор никак не приду в себя.

Джонни засмеялся, как смеются люди, когда им на самом деле не смешно.

– Бедняжка, – сказала Китти.

– Я знал, что ты поймешь. – Большие глаза Джонни смотрели на нее. – Как там дантист?

– Ужасно.

– Держу пари, что противно. Я всегда терпеть не мог дантистов. Но результат того стоит: мне скоро снимут скобки, а у тебя будет новый зуб. Оба будем как новенькие!

Он снова засмеялся – на этот раз искренне, и, поскольку шутка была смешной – как это Китти вдруг станет как но-

венькая? – она тоже засмеялась.

– Как ты сюда добралась?

– Маргарет отвлекла внимание, – объяснила Китти. – И Дункан помог со своим зудом, хотя он этого и не знает.

– Готов поспорить, ты меня искала! – его глаза засияли. – Ух ты! – Но тут же его лицо омрачилось: – Только смотри не попадись!

При этом он держал ее за руку, будто не хотел отпускать.

– Поправляйся скорее, – хотела сказать Китти, которой очень хотелось продлить этот миг. Прикосновение Джонни было таким приятным и теплым!

– Я скоро поправлюсь, – его голова качнулась вниз-вверх на этих словах. – А на следующей неделе концерт. Родители уже вернутся из отпуска.

Поразительно, как хорошо они разговаривали, учитывая, что Китти практически ничего не выговаривает.

Джонни отпустил ее руки, и рукам стало ужасно пусто и одиноко.

– Я не хочу прощаться, но нас обоих будут ругать, если тебя здесь застанут. Спасибо, что пришла!

И он послал ей еще один воздушный поцелуй!

Китти поймала его здоровой рукой и спрятала в карман, прибавив к своей коллекции. От счастья ей захотелось петь.

– У тебя такой красивый голос, – сказал Джонни, расчувствовавшись до слез. – Увидимся, как только мне разрешат вставать.

– Почему... это... ты... придерживаешь... карман... рукой? – спросила Маргарет, когда Китти ухитрилась вернуться в палату незамеченной.

Китти бросилась объяснять:

– Потому что там у меня поцелуи Джонни!

– Что... ты... говоришь? Надеюсь... от этого... у тебя... опять... кошмары... не начнутся. То ты... кричишь... то мечешься... то бормочешь... и так все... ночи... кяду, – Маргарет прищурилась: – Ты... будто... пытаешься... что-то сказать.

Странно. Китти вообще не помнит своих снов.

– Может... о том... почему ты... здесь... оказалась... – Маргарет смотрела на нее с жалостью.

– Расскажи, расскажи мне, – залопотала Китти.

– Это... наверняка... нелегко... Мы тебя... все... жалеем. Поэтому... я тебе... помогаю... Кстати... ты у меня... в долгу... за этот... раз.

– Вот ты где! – в палату вбежала Очень Тощая Медсестра. – А я-то тебя ищу, непослушная девчонка! Нельзя самостоятельно возвращаться в палату, это нарушение правил безопасности! Ты уж веди себя получше, а то запретят участвовать в концерте. Уже совсем скоро... Да, маленькая птичка на хвосте принесла, что послушать тебя придет особый гость. Разве ты не рада?

У Китти забилось сердце. Неужели опять явится Дряблая

Физиономия?

Он чего-то хочет, Китти это чувствовала. Но чего? И почему ей кажется, что это как-то связано с несчастным случаем? Вот бы вспомнить!

Глава 11

Элисон

Ноябрь 2016 г.

Меня так трясло, что я не могла удержать два пальца на шее Барри. Мне не хотелось прикасаться к грубой, в пятнах, коже детоубийцы, но элементарная порядочность требовала проверить пульс.

Оказанию первой помощи меня учили в «Гайдс»⁸ много лет назад (что, впрочем, никак не облегчило участь моей сестры), а не так давно, в соответствии с правилами для преподавателей, я проходила повторный курс.

Барри еще дышал. Залитый кровью глаз неподвижно смотрел на меня.

– Приведите помощь. Быстро! – хрипло сказала я.

Почему все просто стоят, уставясь в пол и неловко переминаясь? Один из них только что совершил попытку убийства. Который?

– А ну, марш! – заорала я. Курт метнулся из класса. Я вспомнила о нашем с ним разговоре о том, чего ждать от Барри. «Мы вас в обиду не дадим», – сказал тогда Курт.

Неужели я только что помогла убийце скрыться?

---

⁸ Организация для девочек, аналогичная скаутским кружкам. (*Примеч. перев.*)

Обмякшее тело Барри задергалось, будто от электрического тока, и жуткие вопли начались снова. Уши закладывало. Я не могла собраться с мыслями.

– Он истекает кровью, – всхлипнул один из заключенных. В отчаянии я вытащила из кармана носовой платок и попыталась заткнуть рану. Белый льняной квадрат с маргаритками, вышитыми моей матерью много лет назад, за несколько секунд пропитался кровью. От моей кожи пахло кровью Барри. Запах был нестерпимо сильный – меня затошнило, я снова вернулась в...

Крики Барри стали еще пронзительнее, напомнив мне не только день, когда я потеряла сестру, но и ферму, куда меня совсем маленькой возила мама. Там мне очень нравилось, пока однажды нас не встретил истошный визг – забивали свиней. Мама еще очень сердилась, что фермер позволил нам приехать в такое время.

– Так это жизнь, леди, – возразил он.

Фермер ошибался – вот она, настоящая жизнь, где насилие совершается в долю секунды. Реальность, где на моих глазах человек истекает кровью.

По моей вине.

– Сделайте хоть что-то! – закричала я. Кровь Барри впитывалась в палас. – Быстрее! Кто-нибудь!

Глава 12

Китти

Декабрь 2016 г.

Наступил день концерта. За завтраком, благодаря удаче и немного потолкавшись инвалидным креслом, Китти смогла занять место рядом с Джонни.

– Мне нравится быть с тобой, – сказал Джонни, промокнув ей текущую слюну своим большим белым носовым платком. – Кивни, если тебе нравится быть со мной!

Кивать означает двигать головой вверх-вниз, но отчего-то у Китти получилось из стороны в сторону. У Джонни вытянулось лицо.

– Не обращай... внимания... – сказала Маргарет, сидевшая справа от Китти. – Она... кивает... когда хочет... сказать нет... и мотает... головой... в знак... согласия.

Джонни просиял.

– Это хорошо, – он крепче сжал ее руку. – Я тоже иногда говорю не то.

Правда? От этого Китти показалось, что она вовсе не так глупа, как ей постоянно дают понять.

– Почему бы... тебе... не прийти... к нам... в комнату... снова? – как всегда громко спросила Маргарет.

– Тс-с-с-с. – Джонни огляделся. Китти тоже огляделась

бы, но сегодня шея просто не поворачивалась. Такое с ней иногда случается.

– Никто... не слушает... – фыркнула со смехом Маргарет. – Все... возьмется с... Дунканом... прежде чем... съедутся... гости. – Ее взгляд был удивительно мечтательным. – Я никому... не скажу... честно... У меня... был бойфренд... когда-то... Но он... от меня... сбежал...

У Маргарет был бойфренд? Да она минимум ровесница Пятничной Мамаши! У нее седые волосы, и вообще она костлявая, без намека на грудь!

– Все уже приехали, – заявил вернувшийся Дункан, от которого пахло куда приятнее. – Вон моя сестра!

Воцарилась атмосфера взволнованного, напряженного ожидания. Здоровой рукой Китти стиснула руку Джонни. Вошла миниатюрная женщина с мышинным лицом, оглядела собравшихся, будто ища кого-то, и приветственно замахала Дункану.

– У них... одинаково... длинные... носы... – захихикала Маргарет.

– А к вам кто-нибудь приедет? – вежливо спросил Джонни.

Маргарет покачала головой.

– Моя кузина... не станет... рваться... ради меня... теперь... когда она... уехала в Австралию... Господи!.. Кто эта... женщина? Какие... жемчуга...

– Это моя мать, – небрежно сказал Джонни. По его тону

угадывалось, что он немного расстроен. Наверняка скучает по дому. Но если бы его семье не понадобился «отдых», он бы не познакомился с Китти. Он сказал это, держа ее за руку, когда во всем доме уже погасили свет.

Еще кто-то из вошедших радостно замахал.

– Это... мамаша Китти... – уверенно изрекла Маргарет. – Давненько... ее... не было... видно... Обычно... она приходит... по пятницам... Ей... нормально...

Волосы Пятничной Мамаши стали другого цвета – прежде седые, теперь они были золотистыми, как у мамы Джонни. Китти прикусила щеку изнутри: где же ее особый гость? Может, это и не Дряблая Физиономия вовсе, а кто-нибудь приятный! Но никто больше не пришел ее повидать, кроме Пятничной Мамаши.

Барбара Прямая Челка встала и направила палочку на Китти. Это означало, что Китти должна запевать – с закрытым ртом. Соло, как называла это Барбара. Всем остальным полагалось сидеть тихо, чтобы собравшиеся могли расслышать пение. Все ждали. Во рту у Китти пересохло. Она столько раз репетировала, что могла спеть даже во сне.

Но теперь, когда аудитория выжидательно глядела на нее, звуки отказывались покидать ее рот.

– Не могу, – прошептала она.

– Что... она там... говорит? – простонала Маргарет.

– Не волнуйся, – Джонни взял ее за руку. – Я рядом. Вместе мы можем все что угодно.

Но у Китти по-прежнему ничего не получалось.

– Представь, что ты счастлива, или разозлилась, – прошептал Джонни. – Я заметил, ты в таких случаях всегда поешь.

Но Китти была слишком напугана. Почти как в тот раз, когда...

Воспоминание начало формироваться, но исчезло, как всегда.

Все смотрели на нее, и это было ужасно.

Тогда палочка Барбары, как гигантский палец, приказала вступить другим участникам ансамбля. Дункан так и зашелся со своим треугольником. Дзынннь! Брям – уронил на пол. Дзынннь! Маргарет что было мочи лупила по металлофону. А Джонни пришлось забрать у Китти свою руку, чтобы подыграть на гитаре. Китти сидела молча, заливаясь слезами.

Когда песня закончилась, слушатели встали и захлопали, не жалея ладоней. Стоячая овация, как сказала Барбара. Аплодисменты были такими оглушительными, что оркестрантам пришлось начать другую пьесу, которую они репетировали на случай, если первое выступление всем понравится. Второй номер назывался «Целиком и полностью».

Слова казались странно знакомыми. Может, Китти занималась «целикомом» с девушкой, которую ей напоминала Барбара? До того, как попала сюда? Вот бы спросить того, кто разберет ее лепет! Но этого не объяснить на дурацкой доске с картинками.

– Это было прелестно, милая! – Пятничная Мамаша, подбежав, заключила Китти в объятия.

– Не ври, так-перетак! Я не пела, как было условлено!

– Тебе тоже понравилось, да? А это твой друг?

Пятничная Мамаша говорила тоном человека, привыкшего не получать ответов.

– Это... Джонни... – вмешалась Маргарет. – А я... Маргарет.

Пятничная Мамаша кивнула:

– Рада знакомству. Китти, прости, что я не приезжала, – мне по работе нужно было пройти обучающие курсы...

– Поэтому-то... мы и здесь... – драматическим шепотом съязвила Маргарет. – Чтобы они... могли ходить... куда хотят... и развлекаться.

– Что, простите? – прищурилась Пятничная Мамаша.

– Ничего, – ответила Маргарет.

– Вы давно здесь? – обратилась Пятничная Мамаша к Джонни.

– Несколько недель.

Китти чувствовала, что они друг другу не понравились. Пятничная Мамаша отошла и заговорила, опустив голову, с одной из медсестер. Вот они обернулись и уставились прямо на Китти с Джонни. Китти даже пожалела, что мать вообще пришла сегодня на концерт.

О чем они треплются?

– Все молодцы, – сказала раскрасневшаяся Барбара. – Вы

прекрасно справились. Да, Китти, ты тоже. Ты же старалась! Даже знаменитые музыканты иногда забывают партии, это нормально. А у нас тут фотограф из местной газеты. Он и есть особый гость, который мечтает тебя сфотографировать.

Так вот о ком говорила медсестра! Какое облегчение! Значит, это вовсе не мерзкая Дряблая Физиономия.

– А как... насчет... остальных? – требовательно спросила Маргарет. – Он не хочет... и нас... сфотографировать?

– Ну конечно! Скажите «сы-ыр»!

Джонни обнял Китти за плечи, и она чуть не умерла от счастья.

– Все улыбаемся! Идеально. Прекрасно. Китти, теперь твоя очередь!

– А почему только ее? – фыркнул Дункан.

– Потому что я особенная, – неразборчиво залопотала Китти. Ведь говорил же ей кто-то эти слова! От этого воспоминания она запела.

– Снова этот... чертов звук, – застонала Маргарет. – Напоминает... «Похоронный марш»... на похоронах моей бабушки...

Китти сразу замолчала. Похоронный, похороны? Оба слова казались знакомыми, но почему?

– Только не начинай снова биться головой, Китти, – сказала Улыбчивая Медсестра. Сейчас она совершенно не казалась веселой. – Похоже, тебе пора прилечь.

Ни за что!

– Китти, Китти, ты же знаешь – будешь вести себя плохо, нам придется дать тебе что-то, чтобы...

И тут все стало черным.

Глава 13

Элисон

Декабрь 2016 г.

После нападения на Барри мои мужчины ходят как в воду опущенные, да и я не лучше. Всякий раз, начиная урок, я будто снова слышу крики Барри и вижу, как кровь пропитывает палас.

Сегодня мы делаем печатки из картофелин, но я никак не могу сосредоточиться – из головы не идет разговор с Анджелой. Я побежала ее искать, как только меня допросили полицейские и начальник тюрьмы.

Как я уже говорила, со связью в тюрьме проблемы, но плохие новости разлетаются со скоростью света.

– Случилось нечто ужасное... – начала я.

Анджела взяла меня за руку:

– Уже знаю и не удивляюсь – он был тот еще кадр. Как это произошло?

Я рассказала о ножницах, которые точно заперла в шкаф.

– Ты уверена? – На лице Анджелы было написано сочувствие. – В такой обстановке можно что-то и упустить. Столько инструкций и правил, и отвлечься есть на что...

Фотография. Красная кнопка, воткнутая мне в лицо. «Я

тебя достану».

Неужели от испуга я плохо закрыла шкаф? Но нельзя же об этом говорить, особенно сейчас!

– Это учинил кто-то из них, пока я вытирала чай на блузке, – сказала я в попытке оправдаться.

Анджела втянула воздух сквозь зубы.

– Похоже, это было сделано нарочно, чтобы тебя отвлечь, дорогая.

– Может. – И я прошептала то, о чем постоянно думала с самой смерти Барри: – А вы не считаете, что это мог сделать Курт?

Анджела внимательно посмотрела на меня.

– С какой стати?

Я покраснела.

– Ну, он меня опекает...

Анджела цокнула языком.

– Я тебя предупреждала об ухажерах... Но вряд ли это Курт. Не его почерк.

Откуда она знает?

– Конечно, будет расследование, – проговорила Анджела, будто просчитывая последствия инцидента. – Кто был на вашем занятии?

Я перечислила имена учеников.

На последнем Анджела тихо присвистнула.

– Искромсать лицо – фирменный стиль Стэна! Не помните громкое дело 90-х? Целая семья в Лондоне! Они...

А впрочем, ладно, – она через силу улыбнулась. – В классе были трения?

Такой же вопрос задал мне и начальник тюрьмы.

– Нет, только пустая болтовня.

– Полиция тебя уже допрашивала?

– Они задавали те же вопросы, что и начальник, и получили те же ответы.

Анджела кивнула:

– Они еще не уехали, допрашивают заключенных.

В обычный день я бы заинтересовалась, из каких это источников Анджела все знает, но день обычным не был. Зря я с ней откровенничаю, поняла вдруг я: на душе становится только тяжелее, будто все это моя вина.

– Тебе надо поесть, дорогая.

Но мне было физически плохо. Дежурный по кухне даже не подошел принять заказ, словно незадачливость заразна.

Когда я встала, за соседним столом все поспешно опустили глаза, будто только что наблюдали за мной.

– Ладно, пойду готовиться к уроку.

У Анджелы расширились глаза:

– Вы что, остаетесь?

– Начальник позволил. А мне нужны деньги.

Она пожала плечами.

– Наверное, это как свалиться с лошади и снова сесть в седло... – Она забарабанила пальцами по столу. – Но если вы готовы, лучше всего так и поступить.

Конечно, я не была готова. Больше всего мне хотелось помчаться домой и спрятаться под одеялом. Впервые за много дней томительно тянуло прорезать кожу острым осколком стекла. Но я запретила себе проявлять слабость. И не только ради оплаты счетов, а потому, что такое я себе назначила искупление.

Я попыталась сосредоточиться на картофельных печатках. Совершенно детская и, казалось бы, неуместная тема, но мои мужчины увлеченно работают. Кто-то из них отдаст готовый рисунок своим детям, племянникам или племянницам, другие – матерям. В тюрьме семья приобретает для заключенных огромное значение – неизмеримо большее, чем на воле («Мне очень стыдно, что из-за меня мама прошла через этот позор», – сказал мне на днях один молодой человек). Однако классу нейдет поговорить о Барри-Деде. За две недели, пролетевшие после инцидента с ножницами, страсти достигли апогея.

– Уже столько времени прошло, мисс. Как он там?

– Он теперь ослепнет, мисс?

– А он еще в больнице, мисс?

Ответов у меня нет – мне ведь никто не докладывает. Когда я спросила секретаршу начальника тюрьмы, она холодно ответствовала, что меня «проинформируют в случае каких-либо изменений».

Анджела, обычно неиссякаемый источник информации, тоже ничего не рассказывала, поэтому мне оставалось толь-

ко жить, как жила. Печатки из картофелин уже вырезаны – во избежание новых инцидентов я сделала это сама, – и заключенным остается лишь покрыть картошку черной краской (одобренной начальником тюрьмы) и прижать к странице.

Уровень начальной школы.

Но я не решаюсь даже на миг отвести глаза от обучаемых и с облегчением встречаю конец урока. Поспешно собираюсь: уже стемнело. В темноте территория тюрьмы выглядит незнакомой и страшной.

Я уже хотела запереть дверь и идти расписываться на выходе, как сзади возникла тень. Я так и подскочила. Умом я понимала – передо мной стоит одна из охранниц, но сердце заколотилось от испуга.

– Вас хочет видеть начальник тюрьмы.

В такое время? Значит, Барри скончался в больнице, думала я, следуя за женщиной в белоснежной рубашке с черными погонями. Начнется расследование, меня обвинят в попустительстве, будет море бумажек... Кто-то скажет – подделом негодяю, но другие будут винить меня в недостаточной бдительности. О чем, черт побери, я думала, придя на работу в тюрьму?..

– Элисон, – начальник поманил меня к себе. Он сидел с ничего не выражающим видом. По такому лицу ничего не угадаешь.

На письменном столе перед ним лежал листок.

– Дело в том, Элисон, что дело получило продолжение...

– С Барри все нормально? – вырвалось у меня.

– Ну, это как посмотреть. Жить он будет, но, несмотря на несколько операций, врачам не удалось сохранить ему зрение в травмированном глазу.

Несмотря на облегчение от услышанной новости, я невольно подумала, что это небольшое наказание за жизнь троих детей.

– Боюсь, это не все. Один из наших сотрудников сообщил, что пользовался шкафом с материалами вскоре после того, как, по вашим словам, вы положили ножницы назад. Так вот, шкаф оказался не заперт, на полке были рассыпаны кнопки, а внутри все перевернуто.

– Об этом я ничего не знаю и точно помню, что запирала шкаф. Честное слово. Это не моя вина.

«Не моя вина», – всегда повторяла моя сестра. Она была младше, и на меня автоматически возлагалась ответственность за все.

– А кто утверждает, что шкаф был открыт? – решилась я. – И почему она не заявила об этом сразу?

Ручка двигалась по листку с рапортом.

– Я не вправе открыть вам эту информацию. Дело в том, Элисон, что мы имеем право вас отстранить...

Во рту у меня пересохло. Это и есть подоплека сегодняшнего разговора?

– Но ввиду отсутствия доказательств, подтверждающих

вашу вину, я делаю вам предупреждение. – Ручка замерла. Очки сняты с носа. Серо-стальные глаза смотрят прямо на меня. – Мы предложили вам эту должность, Элисон, потому что на нас произвели впечатление ваши художественные способности и то, как вы держались на собеседовании. Но если нечто подобное случится снова, нам придется с вами расстаться.

Я вышла из кабинета. Сердце билось в сумасшедшем ритме – от страха или облегчения, точно не знаю.

Глава 14

Китти

Декабрь 2016 г.

Джонни не пришел в комнату Китти, как обычно.

Она ждала его целую вечность.

– Не... расстраивайся, – сказала Маргарет. – Он... наверное... тебя... бросил. Так и... мой бойфренд... поступил... в другом доме... прежде чем я... попала... сюда.

Джонни не поступил бы так! Правда же? Может, это потому, что она всех подвела на концерте? Горячие слезы беззвучно потекли по щекам. А может, мать забрала Джонни домой, и он нисколько не будет скучать по Китти?

– Китти! Ты еще не спишь?

Сердце Китти воспарило куда-то ввысь при виде юноши с квадратным лицом и короткой толстой шеей, опустившегося на колени у ее кровати.

– Ты здесь! – залопотала Китти.

– Ты думала, я не приду?

Джонни улегся под одеяло рядом с ней.

– Пришлось ждать, пока Дункан заснет. Я ему не доверяю. Он все допытывается, куда это я хожу по ночам.

– М-м-м, м-м-м, запела Китти в полном блаженстве, ощутив тепло тела Джонни, как в другие ночи. Как приятно ося-

зять его кожу!

– Я горжусь твоим выступлением на концерте. Ты была великолепно. Я всегда мечтал, чтобы у меня была девушка.

Ура!

– Ты выйдешь за меня замуж, Китти? Чтобы нам быть вместе навсегда?

Сердце Китти готово было взорваться от чувств. Она никогда не испытывала ничего подобного – это словно лететь и бежать в одно и то же время! И танцевать, и...

Черт, Маргарет проснулась. Она дышала тяжело, с натугой, как всегда во время приступов. Если она не перестанет хрипеть, их застанут!

– Кто... (хрип) здесь?.. Что... (хрип) происходит?..

– Это я, – быстро ответил Джонни. – Не волнуйтесь.

Маргарет хрипела все сильнее – примерно как в прошлый раз, когда отвлекала внимание. Однако сейчас ей стало плохо по-настоящему.

– Кажется, она заболела, – выпалил Джонни. Его голос стал отрывистым от страха. – Надо потянуть за шнур и поднять тревогу.

– Но тогда сюда сбегутся медсестры! – возразила Китти.

– Знаю, что медсестры сбегутся, – сказал Джонни, будто поняв, что сказала Китти, – но нельзя же оставить ее в таком состоянии! Это нехорошо.

Шнур. Сирена. Шаги в коридоре.

Джонни присел на край кровати в расстегнутых брюках.

– Застегни штаны, – прошипела Китти.

Но на этот раз он не понял, что она говорит. Наверное, потому, что успокаивал Маргарет, лежавшую с посиневшими губами.

– Проснись, – умолял Джонни, глядя ее по щеке. – Не умирай!

Не умирай. У Китти кожа покрылась мурашками. Она уже слышала эти слова. Но где?

– Не умирай, Маргарет, – голос Джонни стал громче. Лицо Маргарет было бледным точно мел, словно в нем совсем не осталось крови.

Китти начало трясти. Не умирай. Не умирай.

Глава 15

Элисон

Декабрь 2016 г.

Если бы не последняя фраза начальника тюрьмы, я, может, и рассказала бы ему о записке и фотографии. Но теперь об этом и речи быть не могло – он сочтет это уловкой для отвлечения внимания. Мне нужна эта работа. Буду тише воды, ниже травы.

К привычным ночным кошмарам прибавился новый – уставившийся на меня залитый кровью глаз. Вчера ночью из него сочилась черная жидкость... Проснувшись с криком, я сразу оглядела ночную рубашку. Пятен, конечно, не было, но я все равно бросила ее в стирку вместе с постельным бельем.

Было и кое-что еще. По заявлению самого Барри, он случайно поранился ножницами.

– Значит, его хорошенько припугнули, – объяснила Анджела, когда я обратилась к ней за разъяснениями. – Кто-то в этом вашем классе ненавидит Барри, и, если он проболтается, ему будет еще хуже.

Соответственно, никто из моих учеников «ничего не видел». Полицейские не смогли предъявить обвинения.

– А кто из сотрудников заявил, что шкаф не был заперт? – спросила я Анджелу. – Не понимаю, зачем ему лгать – или

тянуть с этим заявлением?

– Может, кто из охраны зло срывает.

– Сможете помочь мне выяснить?

– Дорогая, они же все работают в разное время! Я бы на твоём месте не поднимала волну. Скажи спасибо, что не уволили.

Про себя я давно благодарила судьбу, однако инцидент лишний раз подчеркнул: безопасность здесь чистая фикция.

– А нельзя ли мне все же охранника на занятия? – заикнулась я при заместителе начальника тюрьмы.

В ответ я услышала про нехватку ресурсов. Единственным средством защиты оставался свисток на поясе. Смешно, только мне было не до смеха.

В довершение всего я ощущала откровенно недоброжелательное отношение окружающих. Когда я расписывалась по приезду, ключи передавались мне с подозрительным взглядом, как бы говорившим: «А тебе их можно доверять?» За учениками я теперь следила словно ястреб.

Они мне не доверяют, а я не доверяю им. Зато анонимных посланий больше не было, и мне пришло в голову, что автором мог быть Барри: я же недостаточно высоко оценила его рисунки с кошками. Жуткий тип! Но если я права – а я в этом уверена – то можно больше не волноваться.

В выходные я попыталась развеяться, зайдя в Музей Виктории и Альберта, мой любимый: одни витражные окна столовой чего стоят! По дороге домой я зашла в секонд-хенд

обновить свой запас шарфов, но вспомнила слова начальника тюрьмы о том, что в таких магазинах работают заключенные, и выскочила на улицу. Я уже нигде не чувствовала себя в безопасности. Облегчение оттого, что Барри-Дед обезврежен, сменилось смутной тревогой.

Приближалось Рождество – странное время в тюрьме. Мои мужчины на взводе, колючие – очень тоскуют по своим семьям.

На воле (как я выучилась называть внешний мир) царит праздничная, радостная атмосфера. Студенты моего курса витражей очень хотят закончить свои панельки вовремя, в подарок близким. Работа Берил предназначена ее дочери в Йорке.

– Ничего не случится, если отправить почтой? – спросила она.

Я подумала о кропотливой работе, потраченной на красный тюльпан на синем небе.

– А почему вы не хотите дождаться встречи?

– Это будет не раньше Пасхи, – разочарованно протянула Берил.

Йорк не за тридевять земель. Какая же дочь не навещает мать, которая уже плохо ходит и не может приехать сама?

Я тоже редко вижу с мамой – воспоминания о моей сестре до сих пор тяготят нас обеих. Особенно невесело бывает под Рождество, семейный праздник. Я стараюсь не думать о

том страшном декабре, о первом Рождестве после несчастного случая.

Свинцовый Человек единственный не сказал, кому предназначается его витраж. Мне даже стало любопытно. Я все думаю о диснеевских часиках в его кармане. У него есть ребенок? Он женат? Но спрашивать не хочу, чтобы он не воспринял это как попытку флирта. Мой отказ от приглашения на ужин встал между нами невидимым барьером. В другой жизни во мне, возможно, пробудились бы какие-то чувства.

Но я живу сейчас, а не в другой жизни.

Катаясь в тюрьму и обратно, я вижу, как надрываются магазины традиционной праздничной рекламой: купите сейчас и сэкономьте деньги, заставьте близких полюбить вас, осыпав их подарками... Вон сидит на корточках юнец с елочным «дождиком» на голове – вылитый один из моих «студентов», который твердит, что мои уроки «крутые, мисс». От этого у меня словно вырастают крылья, хотя беспричинная глухая тревога упорно не желает отпустить.

Сегодня мы делаем открытки. Не могу назвать их рождественскими, потому что здесь сидят представители разных конфессий, поэтому некоторые заключенные готовят открытки для своих религиозных праздников, приходящихся на другие времена года. Я уже убедилась, что культурное разнообразие в тюрьме очень уважают. Я аккуратно вырезала фигурки дома, собственными ножницами, чтобы не проверять по десять раз, заперт ли шкаф с материалами.

– Красивые, – восхитился Курт, рассматривая красные, серебряные и золотые детали. – А можно я на свою открытку добавлю блесток?

И я снова вспомнила, как много детского осталось в этих на вид вполне взрослых убийцах и насильниках.

Открытки будут выставлены в главном холле, возле кабинета начальника тюрьмы, как и другие работы моих учеников, в том числе портреты.

– А вы свой повесите, мисс? – поинтересовался Курт. – Который с вас Стефан рисовал?

Мне этого совершенно не хочется. Во-первых, портрет напоминает об ужасном случае с ножницами, а во-вторых, сразу приходит на память изуродованная фотография и надпись: «Я тебя достану». Но если я откажусь, получится, что я лишая Стефана возможности продемонстрировать свою работу. Поэтому портрет в числе прочих отправляется на выставку.

* * *

За неделю до Рождества состоялся концерт с рождественскими (и нерождественскими) песнями и чтениями. После концерта ко мне подошел начальник тюрьмы.

– Я прочел много хороших отзывов о вашей работе. Выставка портретов вызвала большой интерес... – Его рот изогнулся в улыбке. – Но разве разумно было направлять туда

и свой портрет?

Я покраснела.

– На занятии оказалось нечетное число учеников, пришлось позволить одному из заключенных рисовать меня.

Он сжал губы.

– Будьте внимательны, Элисон. Не забывайте сохранять дистанцию.

Я пытаюсь, хотела я сказать, но он сразу отошел, смешавшись с прочим руководством и почетными гостями. У меня осталось ощущение, что, хотя я и не забыла запереть шкаф с материалами, я снова села в лужу.

Мне не терпится уехать, хотя я и согласилась поработать между Рождеством и Новым годом.

– У других сотрудников дети, – подчеркнула Анджела. – Им это время необходимо для семьи.

Концерт закончился.

– Счастливого Рождества, мисс, – сказал Курт, когда я готовилась расписаться на выходе.

Мамин дом хранит слишком много воспоминаний, но я по крайней мере не сижу в тюремной камере.

– Спасибо, Курт, и вам тоже.

Сознавая, что слова прозвучали холодно и дежурно, я прошла по главному коридору, мельком взглянув на свой портрет.

В левом нижнем углу появились мелкие красные буквы, которых раньше не было.

СКОРО УВИДИМСЯ.

Во рту разом пересохло. Я-то думала, что Барри-Дед обезврежен, но, получается, эти послания – дело рук кого-то другого? Или преследователей несколько? Здесь меня уже ничто не удивит. Сколько раз я думала уволиться, однако счета сами себя не оплатят...

По рукам побежали мурашки. Я поспешно достала ручку, закрасила надпись и быстро, почти бегом, вошла в канцелярию расписаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.